

РАДОСТЬ СОЛНЦА

Савитри Деви

Данная электронная книга свободна для некоммерческого использования и распространения при условии, что Вы не будете изменять текст книги.

Оригинал книги (актуальная версия перевода) всегда доступен на сайте электронного издательства Ex Nord Lux DIGITAL
<http://nordlux-digi.org>

Радость Солнца:
Прекрасная жизнь Эхнатона, Царя Египта,
рассказанная молодому поколению

Савитри Деви

Калькутта

1942г

перевод Евгении Шпильман (Oigen)
исследовательская группа «Catena Aurea»

Памяти сэра Флиндерса Петри

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие – стр. 4

Глава I
1400г до н.э. – стр. 5

Глава II
Рассвет – стр. 8

Глава III
Восходящее Солнце – стр.13

Глава IV
Полуденное Солнце – стр.19

Глава V
Заходящее Солнце – стр.30

Глава VI
Солнце за горизонтом – стр.45

Предисловие

Есть всего несколько столь же прекрасных моментов в истории любой страны или эпохи, как короткая жизнь Эхнатона, царя Египта начала 14 века до нашей эры. Некоторых людей отмечал их незаурядный ум, другие стали известны как великие художники, третьи обрели бессмертную память благодаря благодеяниям. Но немногие были и интеллектуальными гениями, и художниками, и святыми в одно и то же время, совершенными существами по своей природе. Эхнатон был таким человеком. Он был одним из тех редчайших исторических деятелей, самого существования которого достаточно, чтобы гордиться своей принадлежностью человеческому роду, несмотря на все зверства, которые обесчестили наш вид с его зарождения и до наших дней. И, в том ирония судьбы, что имя его вряд ли известно широкой публике. В начале этого года – 1942 г.н.э, спустя ровно 3300 лет после смерти Эхнатона – если принять хронологию некоторых историков – я представляю эту простую книгу молодому поколению всего мира, в надежде, что она сможет научить их любить самого любящего из всех людей. Моя собственная жизнь была бы богаче и прекрасней, если бы я имела возможность узнать о нем, когда мне было 12 лет. Предоставить сейчас такую возможность другим, как мне кажется, является лучшим способом прервать годы забвения и ввести Фараона Эхнатона в его тридцати трех вековой юбилей в наше смутное время.

САВИТРИ ДЕВИ

Калькутта, 14 февраля 1942г

Глава I

1400 г.до н.э.

Во время, когда начинается эта история – за 900 лет до рождения Будды и Лао-Цзы, за 14 веков до рождения Христа, и более чем за 2 тысячи лет до рождения Мухаммеда – мир уже бы стар. Многие отличалось, но в целом всё было таким же, как и сейчас – таким, как было всегда. Было меньше людей, больше пустоши, больше лесов, больше диких животных. Намного дольше надо было добираться от одного места до другого. Конечно же, не было газет, и кроме купцов, воинов и мореплавателей, редки были те, кто когда-либо посещал чужие земли. Посланникам требовалось несколько недель, чтобы добраться от Египта до Сирии и обратно. Мир казался намного просторнее, чем сейчас. Но в нем были люди благочестивые и злодеи, глупцы и мудрецы, богачи и бездомные. Существовали государства и империи, и войны велись между ними. Жили крестьяне, торговцы и ростовщики, врачи и священнослужители. И, как и во все времена, искатели богатства были многочисленней искателей истины, а суеверия зачастую заменяли религию.

Страны, о которых в наше время говорится более всего – Германия, Великобритания и Россия – едва ли были известны миру. И среди народов, рассматриваемых как «очень древние», многие еще не заняли видное положение, а другие и вовсе не существовали. Ассирия была по-прежнему «незначительной» полуварварской страной, Афинский акрополь – туманной микенской крепостью, и лишь спустя 700 лет первые хижины появятся на месте основания Рима. Страны, за века потерявшие свое могущество, были тогда господствующими нациями, центрами любой деятельности, достойной упоминания. Среди таких цивилизованных стран Индия и Китай были настолько удалены от остального мира, как если бы в нынешнее время существовали на другой планете. Время от времени, в каком-нибудь порту Персидского залива судно разгружало свой драгоценный груз: духи, павлинов, нефрит и сандаловое дерево, и необычные рассказы распространялись о недостижимых странах востока за Индийским океаном.

В другой части света правящими силами, вдвое старшими современной Германии или Британии, был Вавилон, Египет и Эгейские острова. То есть с тех самых пор, когда, как говорят, боги правили миром, причем каждый своей собственной территорией, произошло несметное число событий. Многие царства расцветали и приходили в упадок; новые боги и богини становились популярными, в то время как другие забывались. Крит, хозяин волн в течение столетий, сейчас был в упадке. Смелые финикийские мореплаватели занимали его место, в то время как древний Вавилон, известный своими астрономами и торговцами, и второй по величию город после Фив, дремал под беспрецедентным правлением иностранной династии. В центре Малой Азии военная династия Хеттов набирала силу, но еще никто не боялся её. На юго-восточных границах Хеттского Царства, граничащих с предместьями Египетской империи, располагалось маленькое царство Митанни, союзник Египта.

Египет был одной неоспоримой «великой державой» времени. В течение нескольких поколений Египет расширил свое влияние на восток через сирийскую

пустыню на территорию того, что ныне является Ираком; к северу за пределы Верхнего Евфрата, где зима приносит снег; и на юг, минуя Четвертый Приток Нила, в области изнуряющей жары и проливных ливней, не известных самим египтянам. Люди, наверное, говорили о Египте так же, как сейчас говорят о Британской Империи.

И императором тех многих доминионов, самым великим монархом мира был фараон Аменхотеп Третий – Аменхотеп Великолепный – как называли его историки тех времен. Фивы, его столица, был одним из самых больших и самых красивых городов, которые когда-либо существовали. Фиванские дворцы и сады были знамениты, но ничто не могло затмить блеск храмов, посвященных всем богам Верхнего и Нижнего Египта. С огромного расстояния можно было увидеть развевающиеся пурпурные волны флагов над огромными пилонами и золотыми вершинами обелисков, блестящих на солнце. И невозможно было забыть царскую дорогу, окаймленную двумя рядами сфинксов, которая вела в главный храм – великий храм Амона, внутренние дворы, залы, святыни, огромные колонны, настолько большие, что двадцать мужчин, вытянув руки, едва могли охватить их, настолько высокие, что их вершины терялись в темноте, и золотую иероглифическую надпись, сияющую на фоне темного гранита, провозглашающую слова бога завоевателю: «Я пришел, чтобы даровать тебе победу над властелинами Сирии...»

В те дни, не только каждая страна, но и каждый город имели своих собственных богов и богинь, различных даже в соседних городах. Никто даже не считал, что может быть один Бог для всего мира. Но было естественным поклоняться богам других городов и земель, когда они оказывались более сильными, делая свой народ более могущественным. Именно таким образом, Амон, главный бог Фив, стал богом всего Египта. Нет, даже вне Египта, в Сирии, Палестине, Нубии, всюду по Империи были установлены храмы, и люди поклонялись ему. Они боялись его, как боялись Египта, поскольку, как говорили, он вел армии Завоевателя, Тутмоса Третьего – прадеда правящего Фараона – от победы к победе, и сделал Египет непобедимым.

Священники Амона были настолько богаты, что не знали, что делать со всеми своими сокровищами. Они обладали огромными наделами земли – полями и пальмовыми рощами, пастбищами и плантациями кукурузы – постоянно растущими доходами, огромными стадами рогатого скота и бесчисленным множеством рабов. Большая часть дани завоеванных народов была отдана им. Их власть уступала лишь власти фараона, и их влияние чувствовалось повсюду. Простой люд, бедный и неосведомленный народ смотрел на них, как будто они были богами на земле, и даже сам фараон – сын Солнца – боялся вызывать у них недовольство. Они долго отвыкали от привычной скромной жизни и благочестивых размышлений. Теперь священнослужители все свое время тратили на интриги с целью заполучить от фараона как можно больше привилегий; они вынуждали людей совершать дорогостоящие жертвоприношения и вносить пожертвования храмам. Жрецы жили в роскоши.

В Фивах было много иностранцев. Сирийский принцев – сыновей и внуков побежденных царей – посылали туда, чтобы изучать египетские манеры. Ливийцы и нубийские солдаты, служащие в египетской армии, встречались там наряду с критскими мастерами, моряками с Кипра и Эгейских островов. Вавилоняне обосновались там; они зарабатывали на жизнь, предоставляя ссуды, гадая, или давая уроки своего родного языка, являвшегося в те времена международным в

сфере торговли и дипломатии, сыновьям богатых торговцев Фив или будущим клеркам египетского Министерства иностранных дел. Иногда, на невольничьем рынке, можно было бы столкнуться с уроженцами других стран: с высокими розовыми и белыми варварами с голубыми глазами, доставленными финикийцами с туманных островов на западном конце мира, или, чаще, с чернокожими толстогубыми охотниками с дальнего юга, привозившими шкуры антилоп и отравленные стрелы. Они украшали зелеными и красными перьями свои курчавые волосы, и жили в неизвестных влажных лесах, полных носорогами и дикими слонами.

Все эти люди приходили и уходили, женились и страдали, поклонялись своим родным от рождения богам, иногда перенимали и иностранных, когда считали, что это принесет пользу. Они все смотрели на Египет, как если эта империя существовала бы вечно и её блеск никогда бы не померк. Они наслаждались удовольствиями повседневной жизни Египта, восторгались искусством мастеров, восхищались и боялись его военной мощи, делавшей Империю, как казалось, непобедимой. Но больше всего они боялись Амона, великого бога Империи, и его священников и царя Аменхотепа, её Фараона, хотя он и никогда не водил свои армии через Сирию, как его отец и его предки.

Что касается Египтян, они всегда были гордой нацией. Двести лет постоянных побед сделали их более гордыми, чем когда-либо. Они были добры и гостеприимны к незнакомцам, но чувствовали себя превосходящими все остальное человечество, кем бы они ни были. Они глубоко чтили своих национальных богов – особенно Амона – и смотрели на своего царя как на райское солнце.

Итак, вся западная часть мира лежит у ног Египта, а Египет у ног своего царя, Аменхотепа Третьего, сына Солнца, первого царя всего мира – любимого Амоном, великим богом Египта.

Глава II

Рассвет

У Царя Аменхотепа было много жен: одна из них – принцесса Митанни, другая – сестра вавилонского царя, и множество других из дальних и соседних стран. Но главную жену – Царицу Тию¹, он любил больше всех.

Он построил для неё летний дом на берегу Нила, чтобы она могла проводить там с ним долгие часы, среди обильных цветников и рощ редких деревьев. И он приказал вырыть рядом озеро, чтобы она могла вместе с ним плавать по его гладкой поверхности в позолоченной лодке с парусами, столь же тонкими и красивыми как крылья бабочки. Он дал ей власть над всеми другими женами и полностью доверял ей.

Она была умна и честолюбива. Её не удовлетворяла её власть во дворце, и она помогала своему мужу править Египтом и Империей. Она управляла одна, когда царь Аменхотеп уставал от своего напряженного распорядка жизни.

Царица Тия была замужем 26 лет. У неё было несколько дочерей, но ни одного сына. И так как она уже начинала стареть – ей было между тридцатью пятью и сорока – разочарование её было велико. Она молилась множеству богов и богинь, прибегала к колдовству, ходила в паломничества, касалась чудодейственных статуй и пила воду из священных источников, которая, как говорили, дарит сыновей даже бесплодным женщинам. Но все было бесполезно. Однако царица продолжала молиться и надеяться.

И она была права, её молитвы и надежды не были напрасными, её желание исполнилось, и у неё родился сын. Во дворце и повсюду в стране царил радость. Бедным была роздана еда, преступникам даровано прощение, так что сердце даже самого несчастного могло наполниться радостью по случаю рождения наследного принца.

О судьбе ребенка консультировались с астрологами, и они сказали, что он станет величайшим из всех царей Египта. Один из астрологов – человек выдающейся мудрости – сказал, что наследник «покажет миру настоящее лицо своего отца». Когда его попросили разъяснить предсказание, он промолчал. Царице Тие эти слова запали глубоко в сердце, но пройдут годы, прежде чем она сможет понять их истинное значение.

Маленького принца назвали в честь своего отца Аменхотепа, что означало «Амон доволен». Он был болезненным ребенком, ему едва хватало сил плакать, и он выглядел так, как будто не выживет. Его мать любила его всё больше. Она следила за ним днем и ночью, как следят за бесценным сокровищем, которое боятся потерять. Ребенок был окружен всей роскошью египетского двора. У него была лучшая еда, лучшая одежда, и самые изумительные игрушки, которые только могли придумать, чтобы привести его в восхищение. Ему дали товарищей его возраста, чтобы он играл с ними. Но, не смотря на то, что он их любил, обычно мальчик недолго разделял их игры. Характера он был тихого и мечтательного и искал компании взрослых людей. Мальчик любил сидеть со своей матерью, которая рассказывала ему истории о временах, когда жили гиганты и монстры, животные могли разговаривать, а люди имели способность становиться

¹ Есть различные варианты написания – Тия, Тейе, Тиу. (Здесь и далее – прим.переводчика).

невидимыми. Или же он лежал на подушке, вдыхая аромат открытого лотоса, как будто медленно пил его душу, или тихо пристально глядел на небо. Во дворце, как во всех египетских зданиях, окна были маленькими и находились высоко в стенах из-за яркого света и высокой температуры. С маленькой кушетки на полу, через узкое окно, безоблачное небо виделось ему еще более синим и еще более далеким. Ребенок чувствовал себя так, будто он сам таял в бесформенной пылающей глубине; и это чувство было для него самой большой радостью. Но это было вне слов, и он не мог рассказать об этом даже своей матери.

Мальчик стремился учиться, и как все умные дети, он часто задавал вопросы, на которые было не так легко ответить, например: «Почему животные сейчас не разговаривают?» или: «Из чего сделан свет?» или, «Почему Гилу не носит парик?» (В Египте, в те дни, и мужчины и женщины носили парики, но Гилухеппа, жена царя Митанни, не следовала этой моде).

«Я просила Вас не называть её «Гилу», она Ваша мачеха», - сказала царица Тия, пытаясь уйти от ответа.

«Но она сама сказала мне, что я могу её так называть», - парировал ребенок. У него всегда был готовый ответ на всё.

Однажды его взяли в часть дворца, где он раньше никогда не был, в зал, украшенный золотом и лазуритом, его посадили на трон рядом с матерью. Множество людей сидело вокруг. Они встали и приветствовали его и царицу. Фараон отсутствовал из-за плохого здоровья. Ребенок увидел старика в странной одежде – иностранца – тот подошел на некоторое расстояние к трону и сделал традиционный поклон. Это был хеттский посол, который вскоре должен был возвратиться в свою страну с важным посланием из Египта. «Что он принесет мне, когда возвратится?» - спросил мальчик, хотя, как ожидали другие, он не станет говорить.

«Что наследник хотел бы, чтобы я принес?» - спросил посол с улыбкой.

Будущий фараон слышал, что в стране хеттов есть нечто белое, холодное и красивое, падающее с неба, легкое, как перья птиц – это был снег. Он покрывает холмы и луга, при свете солнца делая их похожими на серебро. Больше он ничего об этом не слышал, ему едва ли исполнилось тогда четыре года. Мальчик ответил серьезно «Привези мне немного снега», - на этот раз все заулыбались. «Глупый мальчик, - шепнула ему мать на ухо, - как можно привезти Вам снег? Он растает по дороге». Повернувшись к послу, она сказала: «Вы можете привезти ему какое-нибудь домашнее животное, чтобы он с ним играл; он обожает животных». Но ребенок продолжал спрашивать «Почему снег тает? Скажите мне, мама, почему он тает?».

«У мальчика пылливый ум; он будет искать причину всего, как ищет сейчас причину таяния снега, и станет философом», - сказал один из дворцовых чиновников сидящему рядом с ним человеку. «Я бы предпочел, чтобы он был солдатом, - ответил мужчина, - Империя нуждается в сильной руке, чтобы остаться целой».

Принц Аменхотеп рос в обожании. У него было слабое тело, длинная изящная шея, и тонкие руки как у девочки; светло-бронзовый цвет лица и большие черные как уголь глаза с длинными ресницами. Иногда в этих глазах можно было видеть печаль, не свойственную его возрасту. Он был красив и нежен, и все любили его. Гилухеппа и другие женщины гарема часто брали его в свои комнаты, давали ему конфеты, рассказывали о своих родных странах; придворные говорили о его рано развившемся интеллекте, а люди, хотя никогда

не видели его – так как не было принято появляться перед народом – восхищались им как молодым богом, своим будущим царем.

Когда мальчику исполнилось шесть, ему дали наставников, чтобы учить всему, что должен знать будущий правитель. Сначала он узнал, как писать на глиняных табличках знаки египетского алфавита – то, что сейчас называют «иероглифами», и как читать их вслух, громко, с ритмом, и рассказывать наизусть стихи древних поэтов, афоризмы и пословицы древних мудрецов. Мальчик вырос, и ему преподавали кое-что из благородных наук: арифметику и геометрию, историю рождения богов и происхождения мира, названия звезд и имена правителей Египта. Ему рассказывали о превосходстве определенных чисел, которые не могут быть разделены или в сочетании выражали измерения идеальной фигуры – прямоугольного треугольника. Рассказывали, как предки освободили Египет от ига «царей-пастухов»² и как его великий прадед, Тутмос Завоеватель, покарал своих врагов перед Амоном, своим богом и сделал египтян самой могущественной нацией. Ребенок не просто воспринимал все, чему его учили, но и старался дискутировать со своими учителями, и те замечания, которые он делал, и вопросы, которые задавал, иногда были обескураживающими. Его учителя и восхищались его умом и одновременно немного беспокоились. «Его ум – не ум ребенка» - говорили они.

Однажды один из его наставников рассказывал ему, как при царице Хатшепсут во время торжественной процессии, священное изображение Амона внезапно остановилось перед молодым Тутмосом – тем, кто стал Завоевателем – и кивнуло ему, таким образом показывая, что это была воля бога, что никто кроме него не имел права носить двойную корону Верхнего и Нижнего Египта. «И это было истинное чудо, - добавил учитель, - присутствовали сотни людей, видевших это, и это было высечено в камне...». Но ребенок не дал ему договорить: «Я не верю ни единому слову, - сказал он и с уверенностью добавил, как будто сам был свидетелем всей этой сцены, - не было никакого чуда, священники сделали это». Конечно, спорить с учителем не следовало, но он не мог смолчать о том, что считал истиной.

Наставник попытался узнать, кто так повлиял на его ученика царского рода. Он подозревал одного из учителей - священника Солнца в священном городе Он³. Поскольку между священниками из города Фивы и города Он всегда была конкуренция. Но ребенок отказался ответить, кто рассказал ему историю о фальшивом чуде. Он слышал её от своей матери.

В другой день ему рассказали о подвигах его воина-прадеда и тезки, фараона Аменхотепа II. «Потому как во время его правления в Сирии были беспорядки, - рассказывал учитель, - он отправился туда с большим войском и бесчисленными военными колесницами. Он пересек пустыню как разъяренный лев, прошел через Сирию, разгромил повстанцев и захватил в плен семерых военачальников. Он повесил их вниз головой на корме своей лодки фараона, и так торжественно плыл обратно вниз по Нилу. Он убил их своим топором прямо перед

² Гиксосы — группа кочевых скотоводческих азиатских племён из Передней Азии, захвативших власть в Нижнем Египте в середине XVII в. до н. э. которые и затем, около 1650 г. до н. э., образовали свою династию правителей. Свое название они получили от египетского Hqꜣ ḫAswt «правитель (чужеземных) стран», передаваемое по-гречески ἰκσῶς или ἰξῶς. Манефон (Иосиф Флавий «Против Апиона» I. 14, 82-83) переводит слово «гиксосы», как «цари-пастухи» или «пленники-пастухи»,

³ Гелиополь, Гелиополис, Илиополь. Древнеегипетское название, транскрибированное ἰwnw, чаще всего передаётся как Иуну или Он.

ликом Амона, царя богов, он мог радоваться, глядя на это, потому что именно Амон подарил ему эту победу над врагами».

У мальчика были яркое воображение и доброе сердце; он дрожал, представляя себе пытку семи сирийцев, повешенных вниз головой под палящим солнцем: их синие лица, искаженные болью, и стоны. Он внезапно почувствовал ком в горле, его глаза наполнились слезами, а губы дрожали. Но учитель был столь взволнован воспоминанием о победах Египта, и своим собственным красноречием, что не обратил на реакцию мальчика никакого внимания и продолжил свой рассказ. «Затем фараон приказал повесить тела шестерых пленников на стенах Фив, а тело седьмого отправить на юг и повесить на стенах Напаты, столицы Нубии, чтобы жители юга также смогли увидеть великий подвиг Амона, могучего бога, совершенный руками фараона, его сына, и преисполнились страхом».

Но больше ребенок не мог вынести этого. «Ужасный человек и ужасный бог!» - расплакался мальчик, и слезы негодования, отвращения и стыда катились по его щекам. «Они и меня тоже называют «сын Амона»! Но я не хочу им быть! И не буду...». Его учитель попытался успокоить его. Он был ошеломлен нечестивыми словами мальчика, но еще больше его тоном, в котором слышалось страстное намерение, чего раньше он никогда не замечал. Но учитель помнил, что наследник был всё еще только ребенком. Он объяснил, что сирийские предводители вели войну против их законного правителя, царя Египта, что, конечно же, было преступлением. Учитель сказал ему, что подавление восстания было правильным решением, потому что «восстание вызывает недовольство богов и ослабляет Империю».

«Как это может быть правильно, если вызывает страдание?» - ответил будущий царь.

Он любил все живые существа и никогда не оставался безразличным к крику о помощи. Всего за несколько дней до этого, когда он в одиночку гулял по садам, окружающим дворец, как он часто делал, у корней дерева он нашел маленькую бедную птицу, которая упала из своего гнезда. Он поднял её с бесконечной заботой, и отнес домой, где выкармливал, пока она не стала достаточно сильной, чтобы улететь. Он вспомнил ощущение биения крошечного сердца в своей руке, и снова подумал о сирийских вождах. «Мятежники» - так о них говорили, но кем были мятежники на самом деле? Внезапно, невероятная догадка осенила сознание будущего фараона – нечто настолько простое и настолько странное, что никто, казалось, не думал об этом до него (и тысячелетия должны были пройти прежде, чем некоторые люди станут думать подобным образом). «И какой же вред нанесли сирийцы? - спросил он, и ответил сам, не давая учителю заговорить – Они боролись против нас так же, как мы боролись против царей-пастухов ради своей свободы».

Старый учитель был ошеломлен. Как кто-либо мог сравнить сирийских вождей с великими царями, принесшими освобождение землям Египта? Разве существует общая мера между Египетской Империей и народами, её завоеванными? Между её богами и их богами? Он попытался объяснить это ребенку, но напрасно. Наследник не понимал, в чем состояло различие. Такие очевидные всем различия были чужды ему, как будто он был ребенком из другого мира.

В тот самый день принц сидел со своей матерью на террасе дворца. Он рассказывал ей об уроке истории. Он не мог забыть впечатление, которое оказал

на него рассказ о пытке пленников. «Все боги хотят, чтобы мы были жестоки?» - спросил он наконец. Заходило солнце. Царица указала на прекрасный шар, выше западных холмов. «Нет» - ответила она, - «Не все. Не Он. Посмотри, как он прекрасен». Она говорила ему об Атоне – солнечном диске – древнейшем боге Египта, боге, которого она любила. «Он добр, - нежно сказала она, – Благодаря ему созревает зерно и растут лилии. Он – отец всей жизни, кому поклоняются в священном городе Оне с сотворения мира».

«Тогда почему священники говорят, что Амон – это то же самое, что и Солнце?» - спросил принц.

«Священники говорят много ерунды, когда это удовлетворяет их нужды», - ответила Царица Тия, как если бы разговаривала сама с собой. И уже громче добавила с улыбкой: «Не слушай священников, сын мой, слушай свое собственное сердце».

Ребенок был счастлив. Пламенный жар падал на его лицо, пока он следил, как диск опускается все ниже и ниже, пока не исчез вдали за темными холмами. Ему казалось, добрый бог улыбается ему, как улыбалась его мать.

Тем временем, в комнате, где никто больше их не мог слышать, наставник сказал одному своему близкому другу: «Пусть Амон и все другие боги докажут, что мои слова ложь! Но мысли мои тревожны. Я боюсь, что однажды наш великий фараон потеряет Империю».

Глава III

Восходящее солнце

Царица Тия торопилась поскорее женить своего сына. Здоровье Фараона ухудшалось, и было бы хорошо для наследника престола иметь жену. Тия остановила свой выбор на очаровательной принцессе Нефертити. Жених и невеста были обручены с соответствующим царским шиком и великолепием.

Наследнику престола было немногим больше десяти лет. Ему нравились девочки, потому что они были мягки и нежны, как и он сам; но ему, несомненно, нужно было много времени, чтобы понять, кто из них смог бы стать для него кем-то большим, чем просто подругой. Нефертити было девять лет, и она была мила и скромна; она боялась мальчиков. Однако новобрачные дети вскоре выросли, нежно привязавшись друг к другу. Нефертити любила своего мужа за нежный голос и мягкий характер. Он никогда не дразнил её, а когда она рассказывала ему о какой-то своей игре, никогда не говорил, смеясь, «достаточно хорошо для девочек» и не пугал её страшными историями. Она чувствовала себя счастливой, когда его большие мечтательные глаза останавливались на ней, и она показывала ему, что ей это по душе. Без него она не играла. Она рассказывала ему свои любимые истории. Если кто-нибудь давал ей что-то роскошное и красивое, она не радовалась, пока не покажет это ему. А так как он любил цветы, она часто шла срывать лотосы в водоемах вокруг дворца и приносила ему, новые и свежие со сверкающими каплями воды. Чувственная натура фараона ответила взаимностью на ее любовь, он все больше и больше влюблялся в нее, и не только потому, что она была красивее всех остальных девушек, которых он прежде видел, но и потому, что чувствовал, что занимает в ее сердце особенное место.

Навыки врачей не приносили пользы, и, казалось, что боги Египта не желают чудом продлить жизнь Фараона. В конце концов, по желанию зятя и преданного союзника Фараона Тушратты, царя Митанни, могущественная богиня Иштар оставила своё святилище, что проделать путь от Ниневии до Фив. С надеждой и любопытством толпились люди вокруг её драгоценного паланкина, несомого жрецами. Но она могла сделать не более других богов, так как час Фараона настал, и он умер. Его забальзамировали и похоронили с беспрецедентной роскошью в Долине Царей, где были захоронены и его предки. И его наследник стал Аменхотепом Четвертым, Царем Египта, Императором всех земель от Верхнего Евфрата до четвертого притока Нила.

Ему было немногим больше двенадцати, и царица Тия в течение некоторого времени управляла Империей сама, как это было и раньше. Но она помогала сыну в том, чтобы он все больше и больше интересовался укреплением собственной власти. Когда посыльные из далеких стран принесли ему глиняные таблички, написанные на вавилонском — письма, адресованные ему иностранными Царями — она следила, чтобы он читал их вслух очень внимательно, и обсуждала их содержание. Она рассказала ему об авторах этих посланий то, что знала из своего многолетнего опыта. «Смотрите, - сказала она, указывая на последние строчки письма от Тушратты, Царя Митанни, - даже поздравляя Вас с Вашим вступлением на престол, он не забывает попросить золота. Однако он мне нравится. Со времен Вашего дедушки его семья была связана с нашей. Его скорбь по Вашему отцу искренна. Он любил его и любит Вас»
«Так значит Царь Вавилона любит меня?»

«Конечно, - ответила Тия с некоторой иронией, - он занимается постройкой нового храма каждый раз, когда пишет Вам и нуждается в золоте, чтобы закончить его. Но он безопасен». А затем продолжила, напоминая сыну о царе Малой Азии, посол которого ожидал своей аудиенции: «Что касается Хетта, то он похож на лукавого старого паука со своей паутиной. Не верьте и половине того, что он говорит. Ему нужны Ваши земли, а не Ваша дружба».

Вскоре ребенок привык быть "добрым богом" Египта, как называли всех фараонов, и воспринял свои возвышенные обязанности всерьез. Это было так, как если бы все во дворце и за его пределами, регулярно внушали ему мысль о его божественном происхождении. Высшие должностные лица, министры и генералы, делегаты из провинций и иностранные посланники склонялись до земли, как только он появлялся, и обращались к нему как к одному из бессмертных. Если бы он шел по улице, целый ряд глашатаев предшествовал бы ему и объявлял о нем, а люди ложились бы прямо на землю лицом в пыль, в то время как он проезжал мимо них в своей великолепной повозке, на троне, инкрустированном драгоценными камнями. В самом деле, когда по таким торжественным случаям он сидел, облаченный в самые красивые драгоценные камни и с блестящей Царской тиарой на голове, он действительно блистал как молодой бог.

Он также стал менее свободным, чем прежде. Давняя традиция установила последовательность его повседневными делам. Но и этикет, и пышность двора были слишком хорошо известны и слишком естественны для него, чтобы быть скучными или слишком приятными. Только временами, когда он позволял себе расслабляться, он все больше предпочитал компанию своей собственной души. В жаркие часы дня, отдыхая на своем ложе из слоновой кости, он часто смотрел на небо, так, как делал это прежде. И так же, как и тогда, ему казалось, будто он тает в далекой бездне из небытия и света, как будто окрашенные стены его комнаты и весь мир исчезали, и не было ничего, кроме бездонного неба и него самого. Свет и душа были единым целым. Через узкое окно вверху стены лучи всемогущего солнца тянулись вниз по полутемной комнате. Они ласкали обнаженное тело молодого фараона. Как будто через их светящиеся прикосновения, тонкие как любовь, он чувствовал трепет жизни, которая поддерживает весь мир, звезды и Млечный Путь. И он был счастлив.

С тех пор, как однажды его сердце восстало против жестокости Амона, молодой фараон разлюбил великого бога Фив. Он преклонялся перед солнцем под разными его именами и под тем, что было известно в священном городе Он, где стоял его самый древний алтарь. Фараон отказался поверить в то, что Амон был еще одним воплощением солнца.

На своей коронации он настоял на том, чтобы его не называли так же, как и других фараонов "верховным жрецом Амона", его должны были называть "верховным жрецом Атона" - диска солнца – за сменой имен в дальнейшем последовало его официальное обозначение. Но его мать, поклоняющаяся диску, решила, что в официальном списке будет лучше использовать более популярное и не такое простое имя бога Она, и окончательный вариант гласил: «Верховный жрец Ра-Хорахти-Двух-Горизонтов, ликующий на горизонте в имени своем: «Жар Диска». Царица Тия даже добавила к множеству титулов сына "любимого Амоном", в угоду жрецам Фив, потому что была мудрой женщиной, знавшей искусство правления. Молодой фараон протестовал, но было слишком поздно. Официальный список его титулов уже был направлен в письмо,

написанном от его имени, к губернаторам провинций и вассалам, и вся Империя знала это.

Фараон построил прекрасный храм Атону. На его стенах он был изображен с воздетыми в молитве руками, а солнечный диск над его головой, концами своих лучей касался его рук – рук Атона, а на концах лучей изображался петельный крест "анкх", иероглифический знак, обозначающий слово "жизнь". Часть дохода назначенного бывшими фараонами храмам Амона была переведена в новый храм. И все знали, что Атон стал богом фараона. Жрецы Она были довольны, но жрецы Фив, слуги бога Амона, разгневались. Они не показывали свое недовольство открыто; они начали шептаться и распространять слухи о фараоне. Но вряд ли кто-нибудь прислушался к ним, народ любил своего фараона, и ему было все равно, какому богу поклоняться до тех пор, пока было достаточно кукурузы, и жизнь была легкой. Кроме того, сам фараон, хотя и выступал за Атона, других богов не отрицал и не преследовал.

Со дня правления отца фараона, религиозные рассуждения при дворе стали очень популярными. Царица Тия любила слушать рассказы жрецов о разных богах, объяснять старые мифы в свете надуманных аллегорий и странные иноземные религиозные обычаи и предания других стран. Она любила новое. Но молодой фараон почти никогда не говорил о религии, даже если на этом настаивали. «Слова - всего лишь слова», - сказал он в разговоре с придворными. «Они толкуют о том, чего даже не знают, это пустая трата времени». И в одиночестве своей комнаты он думал о своем боге – всемогущем Солнце.

Далеко в безоблачном небе над ним сиял прекрасный диск, сиял так ярко, что ни один человек не смог бы остановить на нем свой взгляд. Его лучи наполняли комнату и опускались прямо на фараона. Именно те лучи, которые он так хотел изобразить на разноцветных рельефах, украшавших стены храма Атона, хотя ни одна работа человека не смогла бы выразить всю их красоту.

«Они могут говорить, что хотят», - подумал фараон, вспомнив простые обсуждения жрецов, "но Атон не похож на тех богов, которые живут в определенном месте. Он назван в честь Она, но весь мир видит Его свет и живет его прикосновением. Его обитель на небе, Его лучи обнимают весь мир так же, как и меня. Атон есть Бог всего мира».

Он думал об этом, и как будто все пространство мира открывалось перед ним. Он знал, что за границами его империи были другие страны: Вавилония и Митанни, земли хеттов и Крит, а также острова среди моря и неведомые страны за пределами пустыни и водопадов. У этих народов были другие боги, но небо, распростертое над ними всеми, было все тем же небом; над ними всеми Солнце освещало Его славу, и это было одно и то же Солнце – Атон. Они знали своих местных богов солнца, но не знали Его. Где-то, может быть, дальше, чем Вавилон, среди племен Абенаки, от земли которых Он поднимается, были люди, которые знали Его. Трудно сказать. Но независимо от невежества или знания все люди стремились поклоняться Ему.

Молодой фараон чувствовал трепет восторга, проходящего по телу, как будто он уже был там, вне времени и пространства, видел то, о чем никто раньше не мечтал: один Бог – Солнце, и единый народ - человеческая раса – объединен любовью к Нему.

И он сочинил гимн единому богу:

*Великолепна твоя заря в горизонте небес,
Живущий Атон, Бог и начинание жизни.
Когда ты восходишь на Востоке,
Каждую землю наполняешь ты своей красотой*

Было справедливым, чтобы Бог всего мира занимал в сердцах людей больше места, чем те боги, чья власть была ограничена городами, царствами и даже империями. Фараон решил почитать Атона выше всех богов Египта. И он подготовил два указа, в котором одна часть дополнительных доходов, ранее приписываемых храмам Амона, должна была использоваться для прославления единого Солнца; а в другом указе говорилось, что он желает, чтобы впредь Фивы, город Амона, назывались «Городом-ярчайшего-Атона».

Царица Тия слушала с сочувственным интересом все, о чем рассказывал ей сын о своем представлении Атона, однако она была против этих указов.

«Возможно, Вы правы», - сказала она ему, хотя его идея Бога, кто был Богом всех народов, казалась довольно странной даже ей. «Но религия – это одно, а управление страной - другое. Вы только спровоцируете священников своими указами, и они, в свою очередь начнут подстрекать народ на восстание»

«В таком случае, что я должен сделать?».

«Оставьте всё как есть. Позвольте священникам зарабатывать деньги, как они к тому и привыкли, и позвольте своим людям почитать многих богов, согласно их старинным обычаям. Нельзя заставить верблюда пить, если он не хочет; так же и нельзя дать знание тем, кто его не ищет».

«Но, - сказал Царь, - Я знаю, что Атон, мой Отец, является Богом всего мира, превыше всех остальных богов, как небеса выше земли. Я должен пренебречь Им и обмануть моих людей, чтобы понравиться священникам? Нет. Я буду испытывать высокомерие священников, проповедовать правду и учить людей поклоняться Богу богов, во всей Империи и за её пределами». Он говорил с такой страстностью, что Тия поняла, что он был настроен следовать своим планам до самого конца. Однако она в последний раз обратилась к нему, суммируя опыт всей своей жизни:

«Люди не хотят истины; они хотят покоя. Вы поймете это в один прекрасный день, если священники позволят Вам править достаточно долго».

«Они не покоя хотят, а дремоты души», - ответил Фараон. «Я буду пробуждать их». И он добавил, выражая в простых словах абсолютный опыт человека любого поколения: «Не может быть никакого настоящего покоя без Истины».

Мать удивленно взглянула на него. Фараон был простым мальчиком пятнадцати лет; откуда он почерпал свою необычную мудрость, столь отличающуюся от её или от чьей-либо ещё? Тия помнила пророчество, которое было сделано во время его рождения: «Он покажет миру истинное лицо своего Отца». Теперь она поняла: речь шла не о покойном Фараоне, Аменхотепе Третьем, а о вечном Солнце, предке египетской расы.

Возможно, странная мудрость мальчика была от Него. Подумав об этом, Тия решила ничего больше не говорить, и об указах объявили всюду по Империи.

Священники Амона на сей раз не скрывали свое неудовольствие. Они послали фараону длинную петицию, в которой несколько раз упомянули о святости национальной религии. Но фараон указов не отменил. Они действовали почти два года. Время шло, возникали новые вспышки гнева среди жрецов. Люди,

получившие от них золото, разносили по городу слухи о том, что фараон одержим злым духом, враждебным к Египетской земле, и что он собирается вести войну против всех богов. Другие заявили, что Атон, его Бог, не был в действительности почтенным старым богом солнца Аона, которого люди называли также Ра, это был чужой бог, в глазах которого сирийцы приравнивались к египтянам.

Однажды был пойман мужчина, пытавшийся поджечь храм Атона. Он предстал перед Фараоном, который мягко спросил его о причинах подобного поступка. «Первосвященник Амона заплатил мне, чтобы я разрушил храм», - сказал мужчина. «Я – бедняк, поэтому взял деньги. Если бы я преуспел, священники объявили бы людям, что сам Амон сделал это».

«Очень на них похоже», - сказал царь. «Они накопили свой жир на поте людей и теперь платят им жалкие крохи за совершение преступлений». Фараон не стал наказывать мужчину и отпустил его домой.

Придворные, казалось, были на стороне царя. Все же, поскольку суверен был все еще очень молодым неопытным человеком, некоторые из них попытались убедить его пойти на компромисс со священниками, которые представляли старую традицию.

«Ни одна древняя священная традиция не может быть древней и священной Истины, вечной во все времена», - ответил фараон. «И я говорю Вам: нет никакого другого Бога, кроме Атона, моего Отца. Он был прежде существования мира и останется после его исчезновения. Если традиция помогает людям познать Его и служить Ему, тогда я скажу, что это хорошо. Но если традиция уводит людей от Него, то это плохо, и я должен это исправить, я должен разрушить всё, что ведет к идолопоклонству».

Один из придворных попросил права говорить и спросил: «Что такое идолопоклонство?».

Царь раздумывал в течение минуты, и затем промолвил «Идолопоклонником является тот, кто поклоняется символу вместо Бога, которого он символизирует. Идолопоклонник так же тот, кто придаёт неоправданно большой вес церемониям, жертвоприношениям и теологически спорам, и прочим несущественным вещам, в то время как он пренебрегает самым важным – что Бог есть, и что нет иного бога кроме Него».

Без напрасных тонкостей, слова Фараона оказались слишком простыми, чтобы быть понятыми придворными. Некоторые похвалили слова царя, но так, что тот сразу смог увидеть, как мало они поняли из их значения. Большинство из придворных уважительно хранили молчание. Некоторые рискнули попросить объяснение. Как это может быть, спросили они, что Атон — Солнце — единственный Бог? Не было ли также Лунного бога, Нильского бога, и многих других? Разве вся Природа не была населена богами и богинями? Без сомнения, Солнце было самым значимым из них всех, но действительно ли фараон подразумевал отрицание существования всех остальных богов?

Фараон ответил не сразу.

С тех пор, как у него появилась странная догадка о том, что его Бог был Богом всего мира, он все больше и больше думал о Нем. Давным-давно он задал себе тот же вопрос, что сейчас ему задают придворные. И он ответил на него, и он знал, что его ответ был правильным, это было ясно ему как день. Но сможет ли он сделать это знание понятным и остальным? Даже его мать, от которой он сам получил первое представление о славе Атона, не поняла его, когда он поведал ей,

что настоящий Атон невидим. Смогут ли придворные его понять? Но он не мог ни избежать ответа, ни скрыть правду. Наконец, он заговорил.

«Если живущий Атон, Которому я поклоняюсь, - сказал он, - был бы всего лишь видимым Дискон солнца, тогда Ваши замечания были бы истинны. Но Он – нечто другое. Я называю Его Атон, потому что Его слава сияет через видимый Диск лучше, чем через любую другую вещь. Но у Него нет никакой формы. Он - невидимая Сущность всего; не бог, но Бог. Именно поэтому Египет и Империя и целый мир должны поклоняться Ему одному»

Вскоре воля царя была объявлена. Придворные, священники, народ – все должны были признать единственного Бога Вселенной, Атона, как своего единственного Бога, и не поклоняться никому кроме Него. Традиционные культы были отменены. Храмы Амона и тысячи богов Египта были закрыты. И имя Амона и слова "боги" должно было быть стерто с памятников и даже с гробниц по всей стране. Фараон даже поменял свое собственное имя с Аменхотепа— «Амон доволен» — на имя Эхнатон, «Радость Солнца», имя, под которым он ныне известен в истории.

«Я сотру след всех ложных богов, тех пустых символов, которые вводят людей в заблуждение и заставляют игнорировать настоящего Бога. Я искореню тот маскарад, что называют «религией» и дам людям религию Истины», - так он говорил. Всё же, он желал учить людей не страхом, а любовью. И хотя многие оставались верными своим прежним божествам, никто не преследовался. Только жрецы Амона, «обманщики народа» и «источник всех бед», как называл их Фараон, были лишены своего богатства за неповиновение царским указам.

Они приняли вызов, и открыто объявили Эхнатона еретиком, преступником, врагом Египта и богов. С помощью части сокровищ, которую они смогли укрыть, они организовывали бунты в Фивах, и даже платили преступникам за покушения на жизнь фараона. Наряду с многими другими предписаниями, Эхнатон отказался от бывшей отчужденности от своего народа. Он часто появлялся без охраны в своей колеснице вместе со своей царицей на улицах Фив. К нему было легко приблизиться. Однако попытка убийства потерпела неудачу, и прихвостни священников были схвачены. Придворные негодовали, и все ожидали казни врагов. Но Фараон приказал отпустить узников. «Я не желаю платить злом за зло, - сказал он, - из насилия ничего не получится».

И он продолжал проповедовать славу и любовь к Атону, единственному Богу, несмотря на всё сопротивление. Многие слушали его, но немногие могли понять смысл его учения.

Фивы были цитаделью Амона; его дух витал в воздухе. С самой верхней террасы дворца, на которую поднимался Эхнатон, чтобы приветствовать восходящее Солнце, он видел находящиеся через реку пилоны храма бога, которого он изо всех сил пытался свергнуть. Он мог видеть всё внешнее убранство храма, протяженностью более мили: залы, открытые дворы, святилища в честь славы Амона, сверкающие обелиски, исписанные хвалебными гимнами. От памятников своих праотцев, закрытых по его приказу, как будто доносился крик вызова – крик Фив : «Амон навсегда останется нашим богом».

И Эхнатон решил уехать из Фив и построить для себя новую столицу.

Полуденное Солнце

На шестом году правления Царь Эхнатон проплыл вверх по Нилу к месту приблизительно в 190 милях к югу от территории современного Каира, и он заложил там фундамент своей будущей столицы, города Ахетатона— «Горизонт Атона»— руины которого ныне известны как Телль эль-Амарна.

Город должен был быть построен на восточном берегу реки в красивом заливе, окруженном низкими холмами. Царь сам выбрал место для города и установил его границы. Сопровождаемой знатью, он появился в торжественном великолепии, с юной царицей Нефертити. Он совершил подношения еды и вина, золота, ладана и душистых цветов Атону и торжественно посвятил Ему Город и всю территорию вокруг по обоим берегам Нила до белых холмов пустыни, закрывающих горизонт. Огромные пограничные камни были установлены на севере, юге, западе и востоке, отмечая границу священной территории. «Территория в пределах этих границ принадлежит Атону, моему Отцу: горы, пустыни, луга, острова, земная поверхность, недра, земля, вода, деревни, берега рек, люди, звери, роши и все вещи, которым Атон, мой Отец, даровал жизнь во веки веков», - так гласила надпись на одном из граничных камней.

Фараон построил два других города, которые он посвящал Атону: один на севере – в Сирии, другой на юге – в Нубии - так, чтобы и Север и Юг могли бы услышать его послание Истины, и иноземцы, так же как и египтяне, поклонялись бы Богу вселенной. Он ожидал, что из тех отдаленных центров его учение распространится даже за границы Империи, и великая радость охватывала его, когда он мечтал о будущем.

По приказу Фараона, сотни землеройных машин и каменщиков, строителей и мастеров всех видов стекались к месту новой столицы. В окрестностях были открыты каменоломни; гранит и алебастр, слоновая кость, золото и лазурит, кедр и различные виды ценных пород дерева были доставлены из Верхнего Египта и Нубии, Сирии и Синая, и даже из более отдаленных областей. Вся Империя делала свой вклад в работу Фараона. И в течение двух-трех лет, храмы, сады, дома и виллы восстали посреди пустыни. Город был еще далек от завершения строительства, но уже пригоден для жилья. Царь и царица оставили Фивы и поселились в городе вместе со своим двором и многими тысячами людей, принявших учения Фараона.

Новый город – пять миль длиной и четверть мили шириной – простирался между пустыней и лугами с рощами, граничащими с Нилом. По сравнению с Фивами, он казался маленьким, но был очень милым с большим количеством открытых мест, пальм и цветов.

Двору фараона требовались различные предметы роскоши, и многие рабочие и ремесленники оставались в городе, ведь там было достаточно работы для всех. Искусство производства стекла разных цветов было особенно востребовано, использование стекла стало популярным. И новая отрасль быстро расцвела. Фараон Эхнатон способствовал этому, заказывая большие партии цветной лазури для украшения своего дворца. Он одобрял все виды искусства, и делал все возможное, чтобы люди чувствовали себя в его священных городах как дома. Бедным труженикам полей и рабочим со стеклянных заводов было

разрешено строить свои скромные дома из сухой грязи рядом с элегантными виллами знати и даже по соседству с дворцом фараона.

Иногда они мельком видели процессию фараона, когда та проходила по улице к большому храму Атона во время богослужения. Фараон, его жена и дочь Меритатон, первый ребенок в браке, стояли в красивой колеснице из электрума⁴, сиявшего как золото. Головы белых коней были украшены живописными пучками страусовых перьев. Фараон держал узду, а его жена говорила с ним, улыбаясь. Маленькая дочь фараона, наклонившись над краем колесницы, пыталась играть с хвостами лошадей. Никогда еще фараон не разрешал простым людям смотреть на себя так просто и открыто. Эхнатон был одет в гофрированное белое платье, тонкое, как муслин, по обычным случаям драгоценности он не надевал. Придворным это понравилось, и они похвалили его за простой вкус. «Солнце на земле, видимое божество Единорожденного Сына живого Атона, - говорили они, - не нуждается в драгоценных камнях для украшения своей красоты». И они говорили правду, Эхнатон на самом деле был прекрасен. Слова простых людей отличались, но были не менее точными: «Добрый бог не расточает золото, вешая его на себя, - сказали они, - но он строит города, обеспечивая нас работой и хлебом». И многие добавляли: «Он не призывает наших сыновей, чтобы отправить их на войну. Так пусть "добрый бог" живет вечно!». Таким образом, они говорили, что на их земле был мир, в то время как о случайных волнениях в далекой Сирии они ничего не знали. У них было достаточно еды и других запасов, и они были счастливы. Поэтому они любили фараона.

В Древнем Египте жилище никогда не рассчитывалось более чем на поколение; гробница, а не дом, была «вечной обителью». Так и дворец Царя – огромное сооружение в полмили длиной – был в основном построен из легких блоков. Зато он был великолепно украшен, потому что Эхнатон ценил искусство и любил, когда его окружали красивые вещи.

Стены и тротуары были расписаны прекрасными сценами из обычной жизни: здесь, молодой бык бежит через высокие травы и красные маки; там птицы и бабочки летят в солнечных лучах над болотными просторами с розовыми и голубыми лотосами, между стеблями камыша играют в прятки рыбы, а чешуя сверкает оттенками голубого, золотого и пурпурного, когда солнце освещает ее через воду; крылья птиц трепещут от радости, резвящийся бык обломил маки в порыве бьющей через край жизни, нежные лилии открыли свои золотые сердца для поцелуя дарителя жизни - Солнца. Когда смотришь на эти правдивые картины жизни, кажется, что египетское искусство не существовало до этого момента, и никогда не возродится после правления Эхнатона – оно запечатлено в гимнах, в которых молодой фараон писал о славе Небесного Отца:

*Цветы в пустынных землях расцветают, когда Ты восходишь,
Они наполняют себя Твоим сиянием, пред Твоим ликом
Весь рогатый скот встает на ноги
Все птицы вылетают из гнезд своих, и взмахивают своими
крыльями в радости,
И летают, славя Тебя.
...
Рыбы в реке резвятся пред ликом Твоим...*

⁴ Сплав золота и серебра.

Самой роскошной комнатой в храме был огромный зал, где принимали иностранных послов и вассалов, допущенных ко двору и фараону. Там было установлено 542 столба в форме пальмы с капителями из массивного золота. Фрагменты из лазурита и разноцветной глазури, глубоко посаженные между толстыми бордюрами золота, отмечали промежутки между листьями. В сумерках, в лучах заходящего солнца, золотые колонны горели как раскаленные угли, блистательная столица сверкала всеми цветами радуги. Посланники далекого царства, увидев такое богатство, не могли не думать: «Поистине, в земле Египетской золото столь же обыкновенно как пыль».

В особо торжественных случаях молодой фараон появлялся в этом зале, сидя в роскошном облачении на великолепном троне из золота. В такие дни он надевал самые красивые украшения: широкое ожерелье из золота и лазурита, тяжелые золотые серьги и браслеты в форме змеи, все усеянное драгоценными камнями. Голову украшала высокая традиционная тиара, обвитая золотой коброй - символом божественности фараона, который мог носить только он. На спинке трона большой золотой сокол - еще один символ царствования - распахнул сверкающие крылья, а с правой и левой стороны стояли слуги и мягкими, размеренными движениями поднимали и опускали огромные опахала из страусовых перьев, укрепленных на длинных золоченых древках.

Эхнатон был тогда в расцвете молодости и на пике своего могущества. Со всех сторон сияние золота и драгоценных камней освещало его умное лицо с ореолом невыразимого величия. Все, и придворные, наблюдавшие за ним каждый день, и иноземцы, которые путешествовали неделями и пересекли пустыни для того, чтобы мельком увидеть его величество, были ослеплены его видом, потому что он светился на своем троне как Солнце над огненным облаком. Но ярче всего в его больших черных глазах светилась небесным светом бесконечная доброта, и те, кто видел это, не мог его забыть.

Великий храм Атона лежал в северной части города, недалеко от дворца фараона. Это было самое красивое здание в прекрасной новой столице. Со стороны он выглядел так же, как классические египетские храмы того времени; высокие пилоны, со своими обычными флагштоками, из которых развивались пурпурные флаги, установленные у входа в храм и возле широкой ограды, окружающей его. Но если пройти через семь последовательных дворов, которые приводили к внутреннему алтарю, можно почувствовать совершенно новый культ. Здесь не было тайны и благоговения, которые наполняли храмы Амона и других богов; не было тусклого освещения лампами, подвешенными у мрачных потолков; не было драгоценных изображений, похороненных в глубине кромешной тьмы святилища, как похищенное сокровище в пещере. Поклонение велось днем. В первом, шестом и седьмом дворе стоял алтарь с рядом ступеней. Там, в разное время дня невидимому Богу предлагали вино и красивые цветы, Богу, чей единственный символ - Солнце - светил высоко в небе, и облака ладана поднимались к Нему и исчезали, растворяясь в его золотом свете.

В древних культах Египта и остального мира святые изображения купали и кормили, и укладывали спать, как будто они были живыми существами; это отнимало время и требовало сложных ритуалов. Но теперь поклонение стало проще и одухотворенней. Не было никаких статуй, никаких картин, никакого представления Атона: «Недостижимый, присутствие которого заполняет вселенную, пребывает не в неуклюжих работах людей», - говорил Фараон;

«Изображения были изобретены только чтобы помочь людям думать о Боге, но в настоящее время люди цепляются за них, как будто они есть всё, и не хотят знать настоящего Бога. Священники стали фокусниками, а изображения стали идолами, и я должен исключить и то и другое, чтобы они не убивали душу людей». Затем он распустил не только жрецов Амона, но и всех национальных богов, закрыл храмы и запретил использование любых изображений, оставив лишь Диск Солнца с лучами, которые заканчивались руками. И даже ему не следовало поклоняться, он должен был служить лишь напоминанием людям о силе и доброте Единого, манифестируемого через Солнце.

В храме было множество музыкантов, как мужчин, так и женщин, а также особый хор слепых певцов, которых Фараон лично отбирал, выискивая самые красивые голоса. Он желал, чтобы даже те, кто никогда не увидит Солнца, воспевали его сияние, потому что, кроме внешнего вида, есть еще и невидимая внутренняя сила, Душа Солнца

*Когда Ты восходишь на Востоке,
Все руки протянуты в благословении Твоего Ка (души)*

Все гимны, которые пелись на рассвете, на восходе солнца, в полдень и на закате, были вдохновенными стихами, составленными самим Фараоном. В них не было никаких мифологических аллюзий, никаких ссылок на догмы, обычай или историю, а в простых и красивых словах они рассказывали о радости света, радости жизни, и о славе того, кто есть Бесконечная Любовь и Бесконечная Красота, и кто сияет в блеске Солнца и исходит в его жаре.

Они говорили о необъятности мира и его единстве в пределах удивительного разнообразия, и исключительности жизни в человеке, животном, птице и каждом живом существе, даже в болотных зарослях. Они рассказывали о росте птенца в яйце и росте ребенка в утробе его матери — чудо рождения; они рассказывали о ритме дня и ночи — работы и отдыха — и танца сезонов, назначенных движением Солнца на небесах, и о священном трепете, с которым вся плоть приветствует Его восход.

Слова были настолько просты, что скромный народ мог понять их не меньше, чем ученый, и идеи, которые они выражали, были доступны для иноземцев так же, как и египтян. Но вдохновение, стоявшее за ними, было ново. Ни в Египте, ни в Сирии, ни в Вавилоне, ни на любой земле, о которой могли думать египтяне, не было Бога, о Котором Фараон поведал людям.

За большим храмом, в пределах той же ограды, был выстроен еще один храм с одним лишь открытым внутренним двориком и одним алтарем. С каждой стороны его обрамленного колоннами входа стояли статуи царя и царицы. Кроме того, по городу было разбросано еще несколько храмов, а на юге столицы, в прекрасных садах, скрывались еще храмы поменьше. Их имена очаровательны. Так, один из храмов, который стоял на маленьком острове посреди искусственного озера, назывался «Дом Ликования»; другой, выстроенный специально для того, чтобы молиться на закате солнца, именовался «Дом, где Атон уходит на отдых». Там, кстати, сама Царица Нефертити участвовала в совершении священных обрядов.

Фараон Эхнатон не возражал против того, чтобы в публичных религиозных ритуалах ведущую роль играла какая-либо достойная женщина, хоть это и не соответствовало обычаям того времени. «Кто презирает женщин, тот грешит

против собственной матери», – говорил фараон. Он делал все возможное, чтобы возвысить женщин в обществе. В этом он подавал личный пример, всегда появляясь в общественных местах бок о бок с юной царицей, так, что его без нее просто невозможно было представить. Владыка Египта искренне любил ее, и с первых лет супружества – когда был еще совсем юным – доверял ей все секреты, говорил с ней об Истинном Боге, перед которым преклонялся, и даже сделал ее своей первой духовной ученицей. И, хотя Нефертити и не родила фараону наследника, он не взял в жены другую, как это было принято у Фараонов.

Нефертити любила его всем сердцем, и восхищалась им, его изящным самообладанием, добротой и мудростью. Она не понимала всего, что он говорил, но верила в его миссию и её успех. «Атон поможет Своему сыну показать Его любовь к Египту и ко всем землям», – думала она. И она гордилась своим Царем. Она преклонялась перед мужем, как если бы он действительно был воплощением бога, который решил прожить с ней на земле краткую жизнь смертного.

Прекрасной как никогда, Нефертити было около девятнадцати лет, и она была матерью трех маленьких дочерей. У неё была светлая кожа и правильные черты лица, в которых просматривалась светлая печаль. Она знала, что лицо ее прекрасно, но не ограничивалась внешней привлекательностью, и стремилась совершенствовать свой ум, стремилась к духовному свету. Как-то раз одна из ее служанок дерзнула похвалить прекрасную внешность Нефертити. Та указала на свое отражение в золотом зеркале и сказала: «Это лицо по прошествии лет все забудут, а вот Его учение будет по-прежнему управлять жизнями людей, и Его имя будут помнить все». Но, увы, она допустила ошибку; изумительный бюст разрисованного известняка, в котором один из дворцовых художников увековечил ее черты, является в настоящее время самым популярным шедевром египетской скульптуры, и миллионы людей видели сам оригинал или его копии, и знают имя Нефертити, в то время как очень немногие, помимо ученых, знают что-нибудь о Фараоне Эхнатоне.

В нескольких милях к востоку от Города, в пустыне, расположилась ровная гряда белых известняковых холмов, которые на закате переливались всеми оттенками золота и пурпура, даже когда на равнину уже опускалась тьма. Там, в уединенной долине, Фараон приказал выстроить гробницу для себя и своей царицы. «Да будет для меня построено святилище в восточных холмах», – так гласит надпись на одном из огромных пограничных камней, которые окаймляли территорию новой столицы, – «и да свершится там через множество лет мое погребение, как предопределил для меня отец мой, Атон, и там же, через множество лет, да будет погребена моя Царица».

С течением времени Фараон приказал высечь в окружающих скалах гробницы также и для своих любимых придворных и духовных учеников. Эти гробницы представляют собой несколько высеченных прямо в скале последовательно друг за другом комнат – традиционное для Египта устройство. Тяжелые крыши поддерживались массивными колоннами, изваянные из цельного камня в форме бутонов лотоса, стены были расписаны великолепной живописью и украшены барельефами. Жанровые сцены, изображенные на них – это сцены из жизни тех, для кого, собственно, и предназначались гробницы. Здесь не изображено ни одного из запрещенных божеств – даже тех, кто, согласно верованиям египтян, защищал усопших, – зато в изобилии присутствует Фараон и его семья. Придворные особенно тщательно старались сохранить для потомков свои поступки и достижения, которые были сделаны вместе с правителем. Они

изображали его не только в молчаливой торжественности религиозных ритуалов, с руками, поднятыми в молитве к Солнцу, но и в менее «парадной» обстановке, в обычной жизни: за едой, в процессе отдыха или игры с детьми; слушающим музыку, или нежно говорящим что-то своей супруге и наслаждающимся вином, которое та наливает ему в чашу. Кстати, ранее ни один Фараон Египта не изображался столь нетрадиционно.

Некоторые художники, однако, в своем рвении понравиться фараону, подчеркивали каждую черту его лица, преувеличивали каждый изгиб его тела так, что их портреты напоминают нам нынешнее "футуристское" искусство. В другие времена их картины были бы рассмотрены как кощунственные оскорбления божественной величественности суверена. Но теперь фараон с интересом следил за развитием искусства, которое он вдохновлял. Он вознаграждал живописцев нового стиля, когда их творение было действительно хорошим. «Выразительность значит больше, чем линии», - говорил он тем, кто был склонен немного расстраиваться при виде особых новинок. А когда картины бывали плохи, он просто улыбался искаженному изображению себя.

Во всех картинах и барельефах, какими бы ни были сцены, изображенные на них, всегда присутствовал священный символ Атона – Диск Солнца с лучами, заканчивающимися руками, распространяющимися поверх голов царя и царицы; потому что Бог присутствует всюду и всегда для тех, кто знает Его, и «сама жизнь – молитва», как часто говорил Фараон.

Надписи в новых гробницах, как ни странно, не содержали ни молитв к божествам загробного мира, ни магических формул, обеспечивающих душам усопших благополучие в загробной жизни – одним словом, ничего из того, что традиционно для египетских гробниц с самых незапамятных времен. Там были просто перечислены титулы и достижения придворных, которых предстояло захоронить в гробницах, с упором на те милости, что им оказывал Фараон. «Я был человеком низкого происхождения, и никогда не вращался в кругах аристократии, но Фараон возвысил меня, ибо я воспринял его Учение», – так говорится в одной из надписей. «Великий Фараон осыпал меня дарами, золотом и серебром», – хвастается другой придворный в погребальной надписи. Кроме того, повсюду изображены придворные, глядящие снизу вверх на Фараона и Солнце – на самого Бога Солнца и его земного сына, носящего его имя и являющегося его подобием; в одной из надписей «владелец» гробницы возносит хвалу Богу солнечного диска, Эхнатону, в виде песни «Радость Солнца»: «Твои лучи падают на Твой сияющий Лик, о, Управляющий Истиной, который происходит из Вечности! Дай же Фараону божественно долгую жизнь, продли его дни, пока существуют Небеса».

Фараон заботился о благополучии рабочих, которые строили гробницы в холмах пустыни, точно так же, как заботился о рабочих стеклодувных производств в Городе. Он построил отличные деревни для их проживания – некоторые из них современные археологи смогли обнаружить и произвести раскопки. Каждому рабочему там предоставлялся отдельный дом для него самого и его семьи. Дом был просторным, с чем-то вроде гостиной, обращенной на улицу, спальными помещениями позади нее, и даже с загонем для тяглового скота, который использовался в работе. Простые, яркие рисунки, которые создавали сами рабочие во время отдыха, служили украшениями их домов. Кстати, рабочим, у которых была большая семья, предоставлялись дома с большим количеством комнат, чтобы они могли разместиться, как полагается.

Бесчисленные амулеты и обереги, найденные на руинах этих поселений, показывают, что учение Эхнатона не было распространено среди рабочих, или, по меньшей мере, не особенно на них повлияло. В сущности, божественный правитель и не пытался «обратить их в свою веру». Он не презирал рабочих, нет! Среди его лучших друзей было довольно много людей низкого происхождения. Но он полагал, что бедняку сначала нужно предоставить человеческие условия для жизни и нормальное, «человеческое» отношение, а уж потом заставлять размышлять на религиозные темы. Эхнатон говорил: «Половина предрассудков, существующих в мире, исчезла бы тут же, если бы богатые перестали поработать бедных, и если бы жрецы перестали пользоваться их невежеством».

К югу от Города раскинулись райские сады.

Каналы и искусственные озера отлично служили для ирригации земли, и в пустыне охотно росли цветы и деревья всевозможных видов. По приказу царя пустыня была превращена в благоухающий цветущий райский сад, чудо, полное красоты, свежести и умиротворения.

В озерах плавали розовые и голубые лотосы; каналы пересекали деревянные мосты, вычурно украшенные резьбой, позолотой и яркими цветами, словно драгоценные игрушки.

На острове в середине одного из озер фараон построил небольшой храм. Он часто приезжал, чтобы совершить там поклонение в одиночестве или со своей царицей. Фараон стоял перед алтарем, в залитом солнцем внутреннем двореке, и перед его глазами раскинулось зрелище восхитительных садов, хорошо видных через широкие ворота храма. Меж зеленых лужаек сияли пруды, отражая голубизну неба; на огромных листьях водяных лилий, плавающих по ним, сверкали капли росы; нежные ароматы только что раскрывшихся цветов возносились к солнцу. По небу проплыла стая розовых ибисов, хлопая серебристыми крыльями. Красота наполняла мир, и небо с землей, казалось, сливались в божественном танце света. Фараон Эхнатон был счастлив. Его сердце наполнило ощущение присутствия Божества, и он дал волю чувствам в новом гимне, сочиненном в порыве вдохновения:

*Сколь многочисленны труды Твои,
О единственный Бог, Властью Которого никто другой не обладает...*

В самом сердце садов был выстроен прекрасный летний дворец. Он находился рядом с озером, и его «изюминкой» была великолепно украшенная приемная зала, где Фараон часто принимал важных гостей. Там же проводились и пиры с его участием, со всеми возможными развлечениями, бытовавшими в то время в Египте. Залу украшали цветами, в воздухе витали восхитительные благовония; танцевали красивейшие девушки – первое украшение любого праздника в древнем мире – показывая свое искусство ритма, лучшие музыканты играли и пели. Гостям подавались потрясающие вина в золотых чашах. Пелись песни о любви и веселье, о прелестях и удовольствиях жизни, о бренности времени и реальности настоящего момента.

Фараон был слишком чистой натурой, чтобы находить их томные мелодии или страстные слова вредными. Он считал, что они выражают при помощи волшебной красоты музыки и стихов важные мысли о жизни. Эхнатон наслаждался египетскими «менестрелями», как водяная лилия наслаждается волнами чистой свежей воды.

Порой он вел со своими гостями приятные беседы, слушал их интересные истории, улыбался их шуткам. Эхнатон был не из тех мрачных философов, что морщатся при звуках смеха – напротив, его дружелюбная манера общения заставляла всех гостей чувствовать себя непринужденно. Ведь земные существа не представляют, насколько далеко от них Солнце, и тем не менее, радуются его свету.

Эхнатон по многу часов проводил в садах, наставляя своих любимых учеников, или же объясняя суть своей несложной, но странной религии чужестранцам, которые приезжали увидеть его. Немногие из придворных на самом деле понимали то, что он говорил; и еще меньшее их количество действительно пыталось строить свою жизнь, вдохновляясь примером Владыки. Большинству из них просто не хватало глубины ума понять, как один и тот же человек может быть и страстным проповедником веры в единого Бога, и добрым Фараоном, пировавшим вместе с ними на веселых празднествах. Из этих двух людей им, конечно же, нравился только второй; но они также делали вид, что слушают первого, по придворной привычке к повиновению Владыке Египта и по причине врожденного трепета перед его божественной персоной.

Рано утром или же на закате, после совершения богослужения у алтаря Атона, Фараон брал их с собой в какое-нибудь особенно красивое место, где была густая тень и много воды, и откуда перед глазами простирался вид либо на Нил, либо на окружающую пустыню. Там они сидели рядом с ним и слушали его идеи о чудесах единства, которое скрывается за различиями, и о тайне Бога и создания мира. Как правило, они задавали Эхнатону вопросы, он даже поощрял их делать это; не слепо принимать все, что он сказал, только лишь потому, что он фараон, а пытаться понять его Учение. «Где отступает разум, там процветают предрассудки и фиглярство», – говорил он, подразумевая, что от чересчур строгой религиозной власти один шаг до слепого подчинения, бессмысленной рутины ничего не значащих правил и церемоний.

Как-то раз один рьяный ученик Фараона долго не решался задать вопрос о чем-то, что его озадачило. Наконец он начал тихим, смущенным голосом: «Я бы не хотел, чтобы вы сочли, что я осмеливаюсь критиковать поступки Вашего божественного величества...». Царь Египта прервал его: «Не бойся. Если дело касается установления истины, нет никаких Божественных Величеств, кроме, разумеется, самого Бога».

«Это о быке О́на; я задавался вопросом..» - продолжил человек, но остановился в замешательстве, так и не окончив предложения. Фараон понял: священный бык – «воплощение Солнца», как священники города Он называли его – недавно умер из-за старости и был похоронен с большой торжественностью по приказу Фараона в новом царском городе, посвященном Атону. Ученик задавался вопросом почему.

Эхнатон улыбнулся. «Я любил старого быка,- сказал он, - именно поэтому я хотел, чтобы у него было достойное место отдыха. И если я провел такое необычное захоронение, то это не должно побудить людей вновь делать очередной «фетиш» из священных животных. Скорее, я сделал это для того, чтобы люди не забывали, что все живые существа священны, как и эта жизнь».

Он сделал небольшую паузу, а затем продолжил. : «Это является основой учения о заботе о животных во имя религии, будь они священные быки или священные кошки, ихневмоны⁵ или крокодилы. В большинстве предрассудков

⁵ Другое название «фараоновы крысы».

содержится-таки зерно здравого смысла. Отринь все ненужное, все, что отвращает твой разум от истины, а это драгоценное зерно сохрани; найди правду, и живи по правде».

С самого начала своего правления в Фивах, Эхнатон прибавил ко всем своим официальным титулам еще титул «Живущий в Истине». Вот в чем была суть его Учения, его жизни – вот самая краткая ее формулировка. И никто более чем он, не заслуживал такого славного титула.

Придворный спросил, как спрашивали многие и спрашивают по сей день : «Что есть истина?». А Фараон ответил: «Истина то, что неизменно».

Внезапно подул порыв ветра и большие веерообразные пальмовые листья зашелестели. Птица взлетела с ветви в освещенное солнцем небо. «Разве всё не изменяется непрестанно?» - спросил один из иноземцев, старик с Эгейских островов. Он был молодым, когда столица Крита, великолепный Кнос, был разграблен и сожжен около пятидесяти лет назад. С тех пор он прошел путь от Черного моря до Аравийской пустыни и видел в своей жизни больше изменений, чем кто-либо другой.

«Всё изменяется, - ответил царь, - но законы, согласно которым происходят изменения, были и будут всегда одинаковыми. Эти законы - законы существования, и я бы добавил «законы мышления», если бы мысль была отделима от всего мыслимого существования. Все события во вселенной, от падения пера до падения звезды всего лишь движения непрестанного танца; законы, которые связывают одно движение с другим и со всей ритмической схемой во времени и пространстве, вечны. Они истинны».

И после того, как он это произнес, его лицо засияло так, как будто он мог в тот самый момент непосредственно созерцать бесконечную гармонию танца и слышать божественную музыку звезд, кружащихся вокруг.

Среди присутствующих был один молодой энтузиаст, который лишь недавно присоединился к кругу учеников фараона. Он любил Учение, но многие из основных принципов все же ускользали от его понимания. «Они истинны благодаря Богу. Он установил их», - рискнул сказать молодой человек, ссылаясь на законы бытия.

«Напротив, мы говорим о том, что Бог существует, потому что эти законы истинны», - ответил Эхнатон. «Это потому что они верны, мы знаем, что мир изменения и борьбы – это еще не всё. Потому что они верны, мы созерцаем Нечто неразрушимое за теми вещами, что появляются и исчезают, Нечто стоит за кажущимися вещами. Это та уникальная сущность, которую мы называем Богом. Оно неизвестно, и, возможно, непостижимо. Но есть мгновения, когда получаешь ясное представление этого способом, который не описать словами, так как это лежит в основе всех вещей, а значит и в основе нашего собственного существа»

Ученики вспомнили один из гимнов Фараона, посвященный Атону

Ты, Господь, в моем сердце...

Они были увлечены энтузиазмом молодого Фараона, говорившего о сокровенной действительности. Но как бы ни были просты его слова, они оставались им непонятными. «Если Бог может быть найден внутри нас самих, то почему мы поклоняемся ему как Солнцу?» - наконец промолвил один из них.

«Мы поклоняемся не пылающему Диску, видимому Солнцу, а невидимой Энергии, которая исходит как свет и жар – Душе Солнца. Эта энергия – та же

самая, что проявляется в жизни и является основой нашей собственной души, а свет, жар и искра жизни – всего лишь различные выражения единого Принципа: Лучезарная Энергия – есть Бог. Мы восхваляем это как Атона – Солнечный Диск – потому что нигде не достигается столь величественного проявления Бога, как в Солнце, и потому что лучи Солнца – основа всей жизни и источник всех сил в мире» - отвечал Эхнатон.

Он прервал свою речь, задумавшись на некоторое время. «Невидимая Энергия является основой всего, - он продолжил, - явное и скрытое – всё существование проистекает из этого. Именно поэтому мы называем Атона «Отцом» и «Создателем» и поем ему:

Ты единственен, но миллионы жизней в Тебе...

«Я сказал Вам, что вселенная - один постоянный танец, и это так. Каждая различная форма невидимой энергии зависит от особого собственного ритма», - добавил он, предвосхищая результат научных открытий, которые свершились лишь три тысячи триста лет спустя. «Ритм, который производит свет, не является тем же самым как тот, что производит высокую температуру, или звук. И в корне жизни — чуда создания — также есть ритм. Когда мы чувствуем ритм так отчетливо, как наблюдаем видимый объект, тогда мы понимаем гармонию Бога непосредственно в нас самих».

Он снова сделал паузу и продолжил: «Есть формы энергии, о существовании которых мы даже не подозреваем; о которых, возможно, никогда не будут знать люди. Все же я говорю Вам: каждая из них соответствует особому ритму, но все они - проявления Единой Сущности, которая исходит на солнце, как жар и свет, и которая является Атоном, единственным живущим Богом, Которого я попытался открыть Вам».

Становилось жарко. Эхнатон и его ученики встали и пошли к летнему дворцу. Там встречи с Фараоном ожидали важные чиновники и иностранные послы.

И многие поразились мудрости Царя; он был немного моложе двадцати, и это был не первый раз, когда он говорил о своем Боге в словах настолько простых, что невозможно было не слушать его, но настолько экстраординарных, что после никто не знал, что думать. Старики задавались тем же вопросом, что и царица Тия много лет назад в Фивах: «Как он обрел свое странное знание, если не от самого Солнца, божественного предка его расы?». А молодые говорили в изумлении: «Другие побеждали мечом, он должен побеждать духом. С начала времен ни один царь Египта не был столь велик, как он». А иноземцы говорили «Египтяне в своей гордости называют всех своих Фараонов Богами, но этот действительно богоподобен»

Годы шли, и мир узнал, что молодой царь, «Живущий в Истине», правитель Египта, Нубии, Сирии и земель, граничащих с Верхним Евфратом, был человеком божественной мудрости. Дружелюбный царь Митанни был горд считать его одним из своих родственников. А Царь Вавилона отдал своего сына в мужья одной из дочерей Эхнатона. Он послал маленькой девочке – ей было не более 5 или 6 лет – ожерелье с более чем тысячью драгоценных камней.

Множество ученых и мудрецов среди иноземцев, слышавших об Учении Фараона, признали в универсальном Существо - Атоне - Бога, которого все религии чтят под различными именами и различными символами. И, впервые,

идея, что Бог един, осветила их умы. Митанниане говорили: «Он ни кто иной, как «Владыка Лучей», которого наши предки восхваляли на Востоке давным-давно». Сирийцы и Вавилоняне говорили: «Разве Царь Египта не называет его «Богом Жизни» и «Тем, кто наполняет все сердца красотой, являющейся жизнью»? Он, несомненно, тот бог, кто умирает из года в год и воскресает каждую весну, возрождая вместе с собой и весь мир», - так как культ такого бога был широко распространен в Сирии и Вавилоне. И, если бы весть об Эхнатоне достигла в то время мистических берегов Индии, то люди той земли сказали бы «Его Бог ни кто иной, как Высшая Душа Вселенной, Которую наши мудрецы ищут при медитации».

Но мир тогда не был еще столь тесным, как сейчас. Мир тогда был очень большим. Каждая страна, каждая область отличалась от соседних как отличаются соседние государства.

Всё же Эхнатон видел единство Бога над и вне мирских различий. «Много стран; но одно небо и одно Солнце», - думал он; «и один поток жизни через все создание», - добавлял он, помня о животных и растениях, которые в их собственной манере почитают божественный свет и жар – Энергию Солнца.

И, простерев руки к небу, пред ликом Атона, он пел Солнцу.

*Владыка всех людей, покоящийся над ними,
Ты бог каждой страны, восходящий для них,
Ты Дневное Солнце, великое в своей могущественности...*

Нил в отдалении походил на серебро, напротив пылали бесплодные барханы пустыни — холмы упокоения. Мир казался пылающим под полуденным Солнцем. И лицо Царя сияло. Он знал, лишь немногие поняли его Учение, даже среди его близких друзей. Но он был молод, и Бог был с ним. Лучи Солнца несут ему с небес послание вечной жизни. Его учение пережило бы века, «пока лебедь не станет черным, а ворон не побелеет» как когда-то сказал один из придворных. Однажды, невежество и борьба прекратились бы; Истина победила бы; и весь мир узнал бы Бога.

Из всех стран, даже от таковых, о которых Царь никогда не слышал — от Островов, настолько далеких, что потребуются годы, чтобы достигнуть их, с неизведанных континентов — бесконечная песня хвалы уже неслась до Солнца. Много раз Эхнатон слышал её отзвук в своем сердце. Спутанный и противоречивый, это был первый гимн всего человеческого рода, объединенного в поисках настоящего Бога. А его песня будет последней - песня облагороженного мира, в котором наука и религия больше не будут оставаться разделенными, гимн будущего человечества, чье появление займет тысячелетия, пророком и предвестником которого он был.

И трепет безграничной радости наполнял его тело, когда он думал о тех отдаленных великолепных днях.

Заходящее Солнце

Годы шли. В священном Городе Царя Эхнатона, новой столице Египта, все было настолько красиво и безмятежно, что время, казалось, не существовало.

Однажды Царица Тия приехала из Фив, чтобы навестить своего сына; и были большие празднества по случаю ее приезда.

Когда Фараон и двор покинули прежнюю столицу, Тия некоторое время хотела последовать за ними. Но она была не в состоянии заставить себя сделать это; она любила старый дворец, озеро, по которому она плавала с Фараоном Аменхотепом, рощи, которые он посадил для неё и роскошный город — первый в мире — где она провела всю свою счастливую жизнь.

Она была рада вновь увидеть Эхнатона. Он всё еще был красивым юношей, готовящимся стать мужчиной, с тем же изящным телом и тонкими чертами лица. Только она могла заметить, время от времени, печать напряженности на его безмятежном лице и больше печали, чем когда-либо в его больших черных как уголь глазах. Она была рада видеть свою красивую невестку и своих внуков, которых любила. Когда Фараон уехал из Фив, у него был только один ребенок; теперь уже шесть. «Все дочери, к сожалению», - молодая Царица сказала со вздохом, когда осталась наедине с Тией.

«Наследница может быть столь же хорошей как и наследник; у Египта были великие царицы в прошлом», - ответила мать Фараона, утешая ее. Но она помнила, насколько она сама стремилась иметь сына. «Конечно, - добавила она, - сейчас настали трудные времена; мужчины никогда еще не были столь неуправляемы, как теперь».

Она говорила так, потому что до неё дошли слухи о растущем волнении в Сирии и Ханаане⁶, и она знала больше чем Фараон о секретных интригах распущенных священников Амона в Фивах. Она знала, например, что прежний первосвященник Амона, который, как предполагалось, был мертв, в действительности скрывался и оставался постоянно в контакте с многими заговорщиками, пытаясь свергнуть Эхнатона и разрушить дело всей его жизни.

Она рассказала сыну все, что знала, и предупредила его об увеличивающемся недовольстве не только священников, но и многих богатых и влиятельных людей, которые примкнули к ним.

«И что Вы хотите, чтобы я сделал?», - спросил Фараон.

«Или пресеките восстание в корне, арестовав сразу всех злодеев, или достигните соглашения с ними и выиграйте время. Культ Атона одержит конечную победу, только если Вы тактично себя поведете. Если нет...». Она не закончила, но он понял: «В противном случае он погибнет навсегда».

Тень прошла по его лицу, потому что слова матери были для него болезненными. Ее тревожное рвение было свойственно светским людям, для которых материальные достижения означают все. Он чувствовал, что, несмотря на всю её любовь, она никогда не будет понимать его. И сердце фараона было огорчено.

«Мама, почему Вы говорите со мной так же, как и все?».

⁶ Палестина

И он продолжил после паузы: «Легко пресечь восстание в корне. Но стали бы люди мудрее, если бы я сделал так? Те, кто теперь любит меня, боялись бы меня, а те, кто ненавидит меня, ненавидели бы меня еще больше, и помимо меня они ненавидели бы и Атона. Атон, мой Отец, является Богом всей жизни; Он - любовь и гармония; я не могу проповедовать Его славу средствами насилия. И при этом я не поставлю под угрозу и не скрою ту Истину, которую он сам явил мне, раскаиваясь в том, что я сделал, и не позволю суеверию и черной магии вновь управлять сердцами людей вместо знания Бога. Я не причинил никакого вреда. Почему я должен раскаиваться и идти на соглашения? Заставить интриганов замолчать и выиграть время, так, чтобы моя работа могла пустить корни на земле и стать долговечной? Но моя работа утверждена в Истине, существующей в вечности. Неужели я должен сотрясти самую её основу? Неужели я должен опозорить чистый культ Атона, чтобы он мог получить поддержку лукавых людей и процветать среди суеверной толпы всюду по Египту и Империи? Для моего дела было бы лучше тогда, в десять тысяч раз лучше, погибнуть сразу, не оставив следа. К чему культ без духа Атона? И каково Учение без его души?»

«Все мужчины желают успеха», - сказала Царица Тия. «Разве ты не желаешь?».

«Да, и я тоже», - сказал Эхнатон со счастливой улыбкой. «Сколько раз, я восхищался мечтой о распространении Учения к пределам земли! Сколько раз, я жаждал появления нового порядка, в котором будут идти рука об руку знание и вдохновение, рассудок и любовь; в котором человек будет поклоняться Истине с даже большим усердием, чем он поклонялся выдумке! Я считаю, что это возможно, даже если потребуются тысячи лет. Но если, чтобы завоевать огромный успех среди людей, я должен был бы скрыть что-то из истины Бога, тогда я потерпел бы неудачу, поскольку Истина стоит намного больше, чем успех».

Тия восхищалась новым Городом, изумительными садами, дворцом и прежде всего храмами. И она слышала, как ее сын объясняет свое Учение тем, в кого он верит и на кого надеется. Ее мысли вернулись к давно прошедшим дням, когда она сначала говорила с ним об Атоне, ее любимом боге. «Как сильно развился его ум с тех пор!» - отметила она про себя. Она едва ли могла узнать то старое солнечное божество, которое она раньше лелеяла, в той нематериальной Сущности всех вещей, которой Фараон учил людей поклоняться как единственному Богу.

Она была счастлива видеть, что он построил несколько святынь своим предкам в священном Городе. «Хорошо соблюдать память о мертвых. Мы не знаем, какова смерть, но мы знаем, что именно наши предки сделали нас такими, какие мы есть; именно они дали нам наше тело» - говорил Эхнатон. Он относился к своей матери с большим уважением и был бы рад, если бы она осталась с ним. Но царица Тия хотела увидеть Фивы еще раз. Она умерла спустя некоторое время после возвращения туда. Когда Фараон узнал, что её больше нет, он заплакал. Он нежно любил свою мать. Весь двор носил по ней траур.

Старшему ребенку фараона было около десяти лет, самый младший был младенцем. И хотя все они были дочерьми, Эхнатон не любил их от этого меньше. Он часто играл с ними и носил на руках. На рассвете, выходя поприветствовать восхождение Солнца, он часто останавливался на мгновение посмотреть, как спит самая младшая его дочь вместе с матерью. При виде маленького тела, легкого дыхания, полураскрытого как бутон цветка крошечного рта, его сердце

переполнялось нежностью. «Моё маленькое сокровище» - шептал он, целуя ребенка в голову.

Маленькая девочка унаследовала от отца и матери тонкие черты лица и изящное телосложение. Вторая дочь, Макитатон, была самой красивой и умной. Она принимала участие в ежедневной службе Атому, в большом храме, играя на сестре, в то время как фараон возлагал приношения на алтарь. Характер у неё был тихий. Пока ее сестры бегали друг за другом вокруг клумб, она часто подходила и садилась около отца и просила, чтобы он рассказал ей какую-нибудь историю. Она любила задавать вопросы и разговаривала с ним часами. Она обожала своего отца.

Ее здоровье всегда было очень хрупким. Она внезапно заболела. Несколько дней у неё была высокая температура, а затем наступило легкое улучшение. Царица Нефертити, ее мать, была рядом с дочерью днем и ночью. Однажды вечером девочка позвала отца и попыталась обвить его шею своими руками, но была настолько слаба, что едва смогла сделать это. «Я ухожу,- сказала она шепотом, настолько тихо, что только он один мог услышать ее, - Вы не должны плакать. Я счастлива». Небесная улыбка играла на её губах, и глаза светились небесным светом, как если бы она могла видеть сквозь исчезающий дневной свет славу вечного утра. И она тихо умерла на руках у отца.

Согласно обычаю, её тело было забальзамировано и оставлено покоиться в соседней зале гробницы фараона в белых утесах пустыни. Весь двор был в горе; ее сестры плакали и скучали по ней в течение долгого времени; но ее отец и мать так и не смогли преодолеть эту скорбь полностью. Непреодолимая печаль заполняла сердце Фараона, каждый раз, когда он думал о своем потерянном ребенке. И хотя, как и прежде, душой он пребывал в глубоком покое, было некоторое изменение: он испытал, насколько абсолютна беспомощность человека, и память об этом преследовала его.

Эхнатон верил в вечную жизнь души; хотя и не уделил в своем Учении особого внимания проблеме будущей жизни.

«Вы не знаете того, что является жизнью; почему Вы стремитесь постигнуть то, что есть смерть?» - отвечал он своим ученикам, расспрашивающим о спасении души. «Вначале поймите, как жить в соответствии с истинными законами жизни». В других случаях он говорил: «Если бы люди уделяли столько же внимания и сил для помощи живым, как они тратят на бессмысленные ритуалы для улучшения судьбы мертвых, в этом мире было бы меньше нищеты».

Он говорил так, потому что идея смерти и служения мертвым занимала огромное место в жизни египтян. И с этим была связана магия. Считалось, например, что определенные формулы, написанные на свитках папируса и помещенные в могилы, могли помочь мертвым в их путешествии по загробному миру, или даже внести изменения в акт божественного правосудия в их пользу, какими бы ни были их грехи при жизни.

Эхнатон запрещал подобные методы и строго осуждал саму идею, лежащую в их основе. «Глупо и непочтительно со стороны людей пытаться изменить вечные законы действия и противодействия в целях защиты своих мелких интересов». Он запретил надписи в усыпальницах, в течение веков посвящаемые богам загробного мира, а так же и сами изображения этих богов. Но он не изменил ни один из обычаев, который не считал вредным. И при нем мертвые продолжали бальзамироваться, как и было с незапамятных времен. «Нет ничего столь бесполезного, как перемены ради перемен», - когда-то сказал

Фараон придворному, выступающему против популярной веры в старых национальных богов без особого понимания духа новой религии. «Нет никакой надобности в разрушении древних верований, если не быть уверенными, что они ложны, или в отмене древних ритуалов, если не заменить их новыми, более разумными или более красивыми».

Со временем беспокойные новости из Сирии достигли Царя в его мирной столице. Посыльные приносили письма от верноподданных вассалов и от городских губернаторов с жалобами на восстания то тут, то там. Растущее недовольство египетским правлением распространялось по Империи. Лукавый наместник, которому тайно помогал царь хеттов, руководил этим движением. «Узрите, этот человек стремится захватить все города фараона», - писал самый преданный из вассалов Эхнатона, Рибадди из Библа.

Эхнатон был обеспокоен, поскольку он любил мир, и делал то, что, по его мнению, навсегда бы установило добрые отношения среди людей.

Он подавил коррумпированное духовенство, эксплуатировавшее людей; он боролся против суеверий, которые разделяли их, и учил всех поклоняться живительному сиянию Солнца и любить друг друга, и все живые существа. Он построил в Сирии Город мира — второй Ахетатон — откуда его Учение могло бы распространиться и завоевать мир. И теперь Сирия восстала с оружием в руках против его мягкого правления. И те, кто был предан ему, были в опасности. «Как птица в ловушке птицелова, так и город Симира. Днем и ночью враги нападают на него и с суши и с моря», - гласило одно из писем, доставленных Фараону в особой поспешности. В другом послании обращались правители другого сирийского города: «Да не покинет нас дыхание Фараона, ибо могущественен враг наш, воистину могущественен».

Помощь, о которой просили слуги Царя, была небольшой, и легко выполнимой. «Да сочтет это за доброе дело Фараон, Солнце всех земель, послать мне триста солдат и сорок военных колесниц, - просил преданный Рибадди, - и я буду в состоянии удержать город». Эхнатону надо было сказать лишь слово, чтобы сирийское восстание было сокрушено раз и навсегда, а Империя была бы спасена. Но он этого слова не произносил.

Он помнил ужасы войны в дни его отцов, карательные экспедиции, которые прежние Фараоны регулярно устраивали против периодических вспышек того, что мы бы сегодня назвали «Сирийский национализм» — семь предводителей, захваченных Фараоном Аменхотепом Вторым, замученные и убитые перед изображением Амона в качестве жертвы в честь победы Египта.

«Все ли боги жестоки?» - спрашивал он свою мать почти двадцать лет назад.

«Не все. Не Он», - ответила она, указывая на дарующий жизнь Диск — Атона — видимый лик невидимого Бога богов. И с тех пор Атон был связан в сердце Фараона с миром и любовью ко всем существам, включая мятежников.

Должен ли он был теперь забыть своё Учение, которое он проповедовал всю свою жизнь, и прислушаться к требованию сражения?

Должен ли он был отправиться в отказывающие подчиняться земли и возвратиться, таща позади себя орды закованных в цепи пленников, как делали другие правители Египта? Он вспоминал известный Гимн Победы его великого прадеда, Тутмоса Завоевателя — слова Амона торжествующему царю:

Я пришел, чтобы даровать тебе победу над властителями Сирии,
Я сверг их и поверг к твоим ногам...

Но его Бог был другим. Его Бог не был богом одного только Египта, но также и Сирии, и целого мира; не кичливый предводитель своего племени, радующийся звуку труб и крикам войны, но непостижимая Сила, которая исходит от Солнца и соединяет вселенную.

Эхнатон поднял глаза к небу. Солнце было там, высоко над миром и его суматохой, недостижимое в синей необъятности – бездонной глубине вечного покоя. Его сияние проникало в мир.

*Ты наполняешь каждую страну Своей красотой;
Объединяешь их Своей любовью...*

...

Жизнь - в созерцании твоих лучей...

Фараон вспоминал слова своего собственного гимна к Единому и Единственному Богу Жизни, Атону.

«Если бы только они знали Его, был бы мир», - сказал он себе, поскольку мысли об острой необходимости войны вновь ворвались в его разум. Он вспомнил интриги правителя Хеттов для вторжения в земли Египта, честолюбивые замыслы вассалов-изменников, мольбы о помощи немногих преданных, их взаимные обвинения в измене, их общую лесть, противоречивую ложь, и всё, что он знал о царящей в Сирии запутанно ситуации.

«Для жадности, источника войны, нет никакого места в сердце, которое Он заполняет Своим светом» - так думал он. «И как дым рассеивается, не оставляя и следа на освещенных солнцем небесах, так и ненависть и борьба исчезают в любви к нему. Действительно, если бы они знали Его, был бы мир на земле, как он есть в чистом синем небе».

Но они не знали Его, и бесконечный конфликт продолжался испокон веков. Учение Фараона, возможно, достигло иностранных государств. Но никто, казалось, не ухватил его дух. И Эхнатону было грустно. Впервые, он сомневался в будущем своей миссии. «Что, если всё напрасно, и люди отвергают Истину?», - думал он. Все же мир был в сердце его, несмотря на печаль. И он решил соблюдать закон любви, что является законом Бога, и не разжигать войны.

Глава сирийского восстания был убит в сражении с местными войсками, верными Египту. Но его сыновья продолжили его дело. Один из них, по имени Азиру, превзошел своего отца в двуличности и интригах не меньше, чем в военном умении и в ненависти к иностранному правлению. Он нацелился на объединение всей Сирии под управлением своих собственных людей, аморитов, одной из многих народностей, проживающих на этой земле. Он писал Эхнатону в лестном стиле, который ранее использовал его отец: «Царю, Солнцу, моему Богу, ваш слуга, пыль ваших ног. Ниже ног Царя, моего Бога, семь раз и семь раз я падаю. Вот, я - слуга Царя и его верный пес и всей земли, которую я охраняю для Царя, моего Бога». И в то же самое время, он обещал свою дружбу царю хеттов, если только он поможет ему избавиться от владычества Фараона. Он вел переговоры с царем Сидона и другими вассалами Египта, и убедил их разорвать свои старые связи верности с Египтом и стать его союзниками. И он брал города,

которые оставались преданными Эхнатону, один за другим, уничтожая египетские гарнизоны и обращая людей в рабство.

Новости из Сирии стали более редкими и даже более пугающими. Восстание теперь вспыхнуло и в Палестине, где враги Царя стремились свергнуть египетское владычество с помощью хапиру, диких племен разбойников пустыни. От Верхнего Евфрата до Синая, один за другим цитадели Фараона штурмовались или принуждались сдаться, и его вассалы становились союзниками его врагов. Дань золотом и серебром больше не посылалась в Египет. Посыльные приезжали только за тем, чтобы каждый раз объявлять о падении еще одной крепости, и передавать царю всё более несчастные мольбы о помощи от имени Рибадди из Библа, или верного губернатора Иерусалима, только двух людей, не перешедших на сторону мятежников.

«Враг не отступает от ворот Библа. Кто защитит меня?», - писал Рибадди, в жалостном письме. «Если бы Фараон, мой Бог, защитил бы своих слуг, и послал бы солдат и лошадей из Египта как можно скорее, то они точно еще успеют...». И преданный губернатор Иерусалима обращался в том же самом напряженном ожидании: «Все земли Фараона, моего Бога, могут быть разрушены. Если войска не придут в этом году, то вся земля Фараона, моего Бога, будет потеряна». Караван, доставляющий царскую почту, был ограблен приблизительно всего лишь в десяти или пятнадцати милях от Иерусалима, и таков был страх перед хапиру и царящее беззаконие, что губернатор ничего не мог сделать, чтобы предотвратить грабеж или выследить и наказать грабителей.

Тем временем толпы египетских и сирийских беженцев — мужчины, женщины и дети — продолжали литься в Египет через пустыню Синая, рваные и голодные, потерявшие все, чем они обладали. Они говорили об их разграбленных городах, об их полях и подожженных виноградниках, их близких, убитых перед их глазами или захваченных в плен, и о всех сценах убийства и произвола, которые они помнили. Их история была одним длинным ужасающим рассказом. Люди, слышавшие это, приходили в возмущение. И бывшие священники Амона, всегда ищущие новые способы, чтобы нанести ущерб фараону, которого они ненавидели, воспользовались случаем. Они сказали вновь прибывшим: «Фараон предал Амона, великого бога; неудивительно, что он и вас предал также, и позволил врагам наводнить Сирию». И они говорили жителям Египта: «Гнев Амона обрушился на эту землю из-за непочтительности Фараона. Скоро амориты и хапиру будут пересекать пустыню, и они разорят Египет еще сильнее, чем они разорили Сирию, поскольку боги ведут войну с тем, кто поднялся против них». И людей охватил страх, они поверили священнослужителям.

Фараон был глубоко обеспокоен, когда услышал о тяжелом положении его подданных, поскольку никто не любил людей больше, чем он. Он приказал, чтобы губернаторы граничащих областей накормили голодную толпу и устроили каждую семью как можно лучше. Врачи были назначены помогать больным. Из конфискованных состояний жрецов земля была дана всем, кто захотел на ней обосноваться. Многие получили даже больше, чем они проиграли; но они все еще продолжали бормотать. «Теперь Царь нас жалеет, - говорили они, - но если бы он нас защитил, мы бы не покинули наших счастливых домов».

И поскольку слухи о бедствии из уст в уста передавались вниз по Нилу, общее недовольство Фараоном и его Богом чувствовалось во всей стране. Даже в новой столице, посвященной Атону, многие из сановников утратили свое прежнее рвение. Другие продолжали лишь на словах выражать похвалы Учению Фараона,

но больше не любили его. «Фараоны древности,- шептали они между собой, - убивали военнопленных перед изображением Амона, но они сделали Египет главой всех стран. Нынешний фараон не поклоняется идолам; но он жертвует Империей ради своего Бога— действительно необычная жертва!».

Когда Рибадди увидел, что его письма не принесли пользы, он послал своего сына в Египет, чтобы просить о помощи. Но Царь смущался видеть его. «В течение многих лет вы слышали от меня об Атоне, Боге всей жизни, чей закон есть Любовь, - сказал он придворным, - и всё же, вы не знаете Его и желаете войны. Как же мне объяснить этому молодому человеку, почему я не могу послать войска ни его отцу, ни кому-либо еще?». И когда, после трех месяцев ожидания, сыну Рибадди наконец была дана аудиенция, он был поражен странной речью об Атоне, Боге всех народов в той же степени, что и Египта. Он оставил столицу в отчаянии, думая, что Фараон потерял рассудок. Некоторые из придворных были недалеко от подобных рассуждений, но ничего об этом не говорили. Другие полагали, что злой дух, враждебный Египту, вошел в Царя и вводил его в заблуждение. «Когда Фараон был все еще ребенком, мне уже сказали, что он однажды потеряет Империю», - сказал старый чиновник, вспоминая высказывание жреца, который был одним из наставников Эхнатона во времена его детства; «теперь, предсказание осуществилось, и крушение близко».

Затем прибыли новости о падении Библа и смерти Рибадди. Верный вассал Царя был схвачен живым; он просил у победителя послать его в Египет, чтобы мог провести в мире оставшиеся дни своей жизни. Но жестокий Азиру, глава сил мятежников, вместо того, чтобы выполнить его просьбу, передал его правителям аморитов, его врагам, которые казнили его.

Царь был глубоко огорчен. Если он не помог своему преданному слуге, то только потому, что он рассматривал войну как преступление и не хотел держать Сирию под своим влиянием посредством насилия. Но он любил Рибадди. Мысль, что этот человек страдал и умер с горьким чувством покинутости, была ему невыносима. Кроме того, Эхнатон не испытывал ненависти к Азиру; он не относился к демонстрациям его преданности серьезно, но не мог обвинить его в том, что тот боролся за независимость людей, и доверял, когда Азиру обещал восстановить города, разрушенные во время войны. Эхнатон не мог вообразить Азиру, передающего беспомощного пленника смертельным врагам.

Он послал предателю длинное возмущенное письмо; «Разве Вы не писали царю, Вашему повелителю «Я – Ваш слуга»? Всё же Вы совершили преступление... Разве Вы не знали о ненависти тех людей к Рибадди?..Почему Вы не приняли меры и не послали его в Египет, как он о том и просил?».

Послать Рибадди в Египет, чтобы его возмущенный глас был услышан - последнее, что сделал бы Азиру в своей жизни. Но Эхнатон был слишком добр, чтобы подозревать такое количество обмана, подлости и жестокости, какое было в его недостойном вассале. Самая темная сторона человеческой природы возникла перед ним неопровержимыми фактами и стала объектом болезненного разочарования.

Новости о падении Библа потрясли всю страну, не только потому, что Библ был великим городом, но и потому что его связь с Египтом была очень древней; были храмы, построенные в честь египетских богов за полторы тысячи лет до завоеваний Фараона Тутмоса.

Генералы армии, воспитываемые в древней военной традиции, едва могли скрыть свой гнев. «Теперь Сирия потеряна навсегда, - говорили они, - хотя она

могла быть спасена». Как они помчались бы, чтобы спасти её и наказать мятежников, если бы только Фараон позволил им это сделать! И мысли о триумфах, которых они лишились, увеличивали их гнев. Они ненавидели Фараона и его Единого Бога.

Лишенные своих постов жрецы решили проклясть того, кого они уже называли «отступником» и «преступником» на своих секретных советах. Случилось так, что разливы Нила были незначительными, и урожай зерновых оказался скудным, голод угрожал земле. Священники приписывали и поражение и засуху недовольству богов, особенно Амона, и они обвиняли Фараона в «плохом Ниле» так же, как и в потери Империи, и настраивали народ против Эхнатона при любом удобном случае. Они настолько ненавидели его, что даже приветствовали бедствие, если оно ускоряло падение Фараона, и в то время как их губы произносили слова патриотического отчаяния, дьявольское ликование искажало их лица. «Теперь дни отступника сочтены», - думали они. «Мы скоро вновь будем управлять Египтом и возвратим наши сокровища — на сей раз навсегда».

Люди, неосведомленные и непостоянные, как и всегда, и напуганные тем, что, как им сказали, является признаками божественного гнева, прекратили любить лучшего из царей. Его красивый культ был слишком прост и слишком рационален, чтобы привлечь их; они никогда к нему не обращались. И о добрых свершениях Фараона быстро забыли.

Придворные становились безразличными к Фараону и его Учению, поддерживая лишь внешнее проявление преданности государственной религии. Был один блестящий и образованный ученик, которому Царь когда-то сказал, делая его первосвященником Атона, за несколько лет до наступивших событий: «Никто не понял мое Учение так хорошо, как Вы...». Теперь даже этот человек начал сомневаться в религии, которая так дорого стоила Египту.

И Эхнатон остался один. Он чувствовал отдаление тех, кто когда-то его любил, враждебность всей страны, неодобрение целого мира. Волны ненависти обрушивались на него со всех сторон как ревущее море; и не было никакой помощи, и никакой надежды! Он знал теперь, что его дело погибло. И его сердце было наполнено подавляющей печалью.

Он поднял глаза к небу и искал единение со своим Отцом. Запад был темно-красным. Нил казался полосой жидкого золота между темными пальмовыми рощами, а на востоке, белые скалы пустыни — холмы упокоения — сияли переливающимися оттенками розовых, темно-синих и фиолетовых тонов на прозрачном фоне фиолетового неба. Он наблюдал пламенный Диск, снижающийся за отдаленные холмы пустыни. Безмятежный свет касался его лица. Душистый бриз, мягкий как нежность; доносящаяся время от времени простая мелодия флейты. Успокоительный блеск проникал в небеса и землю и успокаивал душу Фараона. «О Бог, - думал он, - Ты - Покой. Ты - Любовь. Да буду же я всегда способен провозглашать Твою Истину!».

Он был поглощен молитвой, когда ему сообщили о посылном. Это ненадлежащее время, чтобы говорить с Фараоном, но человек настоял на том, чтобы сразу его увидеть, потому что его поручение было крайней важности. Он приехал из отдаленного Тунипа, места в северо-восточной Сирии, и уже потерял много времени в поездке, избегая крупных трактов, которые были наполнены грабителями и вражескими солдатами. Он передал фараону письмо от старейшин Тунипа — отчаянное обращение за помощью.

Эхнатон взял глиняную табличку и прочитал: «Кто прежде разграбил бы Тунип, не будучи покаранным Фараоном Тутмосом? Боги Египта живут в Тунипе, но мы более не принадлежим Египту...и теперь, Тунип, Ваш город, плачет, и слезы льются, а помощи нам нет. В течение многих лет мы посылали послов нашему Богу, Владыке Египта, но к нам не прибыло ни одного слова поддержки, ни одного».

Он заговорил, и его голос немного дрожал. «Я хотел бы остаться в одиночестве», - сказал он. Посыльный покинул комнату.

Фараон перечитывал послание снова и снова. Солнце село. Клинообразное письмо, вырезанное глубоко в глине, казалось еще более темным в алом послесвечении. Эхнатон мог смутно видеть последние слова его несчастных подданных: «Тунип, Ваш город, плачет, и слезы льются, а помощи нам нет». Потом все это исчезло, и наступила ночь. Воздух становился свежим. Вскоре миллионы звезд показались в синей бесконечности, и наступила такая тишина, как будто вся жизнь на земле вымерла раз и навсегда.

*Ты заходишь на западном склоне неба,
Земля погружена во мрак, как умерший...*

Написал Фараон в одном из своих гимнов;

*Ночь сияет всеми своими огнями,
И земля погружается в безмолвие,
Ибо Создатель покинул небосклон свой для отдыха...*

Он попытался размышлять о своем Боге, но не смог. Он смотрел на звезды, но в их холодном блеске не было никакого ответа на муки его души. Крик его далеких людей был для него пыткой. «Тунип, Ваш город, плачет...» Он не мог забыть это. Внезапно, его дух оказался сломлен, и Эхнатон заплакал.

Но он не предал своего небесного Отца. Следующим утром, когда он протягивал руки в похвале Солнцу и приветствовал восход, в его голосе слышалось странное усердие:

*Ты действительно создал мир по желанию Своему:
Зарубежные страны, Сирию, Нубию и землю Египта;
Каждому отведено его место;
Ты создаешь всё, что потребно им...
Языки их различаются меж собою,
Не схожи и образы их, и цвет кожи,
Ибо ты сотворил народы, отличающиеся друг от друга,*

....

*Ты Бог их всех, даже в их слабости
Ты Владыка мира, восходящий для них,
Диск Солнца Дневного, почитаемый в любой отдаленной стране, Ты –
создатель жизни.*

Это был гимн Богу иноземцев, так же как и Богу Египта, Тому, кто сияет над всеми землями, и не желает ничьей гибели.

Фараон продолжал:

*Ты создал Нил на небесах, с которых он изливается,
Увлажняя в изобилии холмы и луга.*

Как прекрасны пути Твои, о Бог Вечности!

Нил на небесах для иных стран,

...

Нил, исходящий из-под земли –

Для земли Египта,

Питающий каждый её луг.

Нам трудно понять, насколько ново это звучало для всех людей тех далеких времен. Никто еще не знал, где находились источники Нила. Они только видели его могущественные потоки, и полагали, что могучая река низвергалась вниз с самих небес, как по гигантской лестнице. Их отцы всегда поклонялись ей как богу. Но Эхнатон, рационалист, поведал им, что все реки берут своё начало из-под земли, в том числе и почтенный Нил. Он рассказал, что дождь, питающий другие страны, как потоки Нила питают Египет, равноценен дару Бога – «Нилу на небесах» - вознесенный вверх из рек и морей под действием солнечных лучей, он обрушивается ливнями на измученную жаждой землю. Он учил, что в глазах Бога не существует никакой особенной нации или «избранных людей», и что те, кто в своей гордости утверждают обратное, выдают за божественное выдуманный ими образ и отрицают настоящего Владыку – сияющую энергию, безличную Сущность всего бытия.

Он повторял им это снова и снова. Когда-то они слушали его с набожным почтением. Но с новостями о потере Империи, древний агрессивный национальный дух вновь укрепился.

Некоторые придворные во время советов, проводимых с фараоном, в последний раз убеждали его начать войну и восстановить владычество Египта от пустыни Синая до Верхнего Евфрата. «Время всё еще есть», - говорили они. Они были потомками тех, кто сражался при предках Эхнатона: Тутмосе Завоевателе и Аменхотепе Втором, - карателях сирийских мятежников.

Но великодушный Эхнатон отказался. Он не забыл отчаянный крик Тунипа, своего преданного города; но даже ради его спасения, он не мог отказаться от Истины. «Мои отцы завоевали Империю мечом, - сказал он, - Я не хочу сохранять её мечом». Первый раз в истории были произнесены такие необычные слова. Настала глубокая тишина. «Я знаю, что мои военачальники искусны в войне и мои солдаты готовы», - фараон продолжал, обращаясь к тем сановникам, которые настаивали на том, чтобы бороться. «Я знаю, что мои колесницы намного превосходят численностью сирийские, и что война, даже теперь, означала бы победу. Но у меня нет никакого желания проливать кровь, чтобы удержать завоеванную землю под своим влиянием. Земля не принадлежит мне, но Атону, моему Отцу. И Его закон не закон меча, но любви и разума».

Кто-то спросил его, сочувствует ли он тем, кто все еще оставался ему верен в Сирии.

«Конечно же, я сочувствую», - ответил он; и так как он вспомнил жалостное письмо от старейшин Тунипа и смерть преданного Рибадди, тень

пробежала по его лицу. «Конечно же, мне жаль их, но я не могу оставить Учение, которое сам Атон послал мне, чтобы восславить Его имя. Они называют меня «Живущий в Истине»; я буду соответствовать этому званию до конца...»

Он сделал паузу, как будто преследуя в сердце видение потерянной мечты, и затем заговорил снова. «Я хотел восстановить мир согласно Истине Бога, - сказал он, - мои отцы подчинили много стран силой оружия; я желал объединить их в одном братстве через любовь к настоящему Богу; нет, я желал, чтобы обитатели земель вне пределов Империи — люди всего мира, на которых Солнце роняет свои лучи — однажды услышали Учение разума и любви, отказались бы от своих ложных богов и своих ложных границ. И во всем своем многообразии стали бы людьми под одним истинным Богом, Атоном, моем Отце — их Отце.»

«Но теперь, я вижу, что это была лишь пустая мечта, которую, возможно, люди никогда не поймут. Пусть будет так, если это нельзя изменить. Даже если однажды Учение и само имя Атона окажется забытым, то всё еще останется факт, что когда-то такая красивая мечта существовала, и Истина была оценена выше, чем тщетная слава».

В его голосе и больших черных глазах таилась такая печаль, что большинство окружающих поневоле начинало проникаться к нему сочувствием. Они даже на мгновение забывали о своих патриотических претензиях и помнили только о том, какой же у них замечательный Фараон, и как он любит своих подданных.

Среди его приближенных был Эфиоп Пнахеси, которого Фараон осыпал великим почестями за преданность своему Учению. Эхнатон повелел воздвигнуть ему в холмах гробницу более прекрасную, чем всем остальным придворным; кроме того, Эхнатон называл Пнахеси своим другом. Пнахеси был на тот момент одним из немногих людей, искренне привязанных к Эхнатону. Эфиоп мечтал, чтобы имя Эхнатона чтили по всей обитаемой земле, и потеря Сирии заставляла его горевать не только об уроне, нанесенном престижу Египта, но и о крушении своих планов по распространению Учения в отдаленных странах. Когда Фараон как-то раз покидал гостиную, эфиоп последовал за ним и просил разрешения поговорить с Владыкой. Он спросил: «Если мы хотим прославить имя Атона, разве не нужно создать Империю? Мы построили во имя его храмы и воздвигли города, но если мы потеряем земли, на которых стоят эти города и храмы, что же тогда получится?»

Эхнатон пристально посмотрел на него с утомленной улыбкой. «Вы тоже, Пнахеси, не поняли, хотя Вы и любите меня», - ответил он; «Атон обитает не в храмах и не в городах, а в сердцах тех, кто его действительно понимает. Но даже ты, Пнахеси – даже ты не понимаешь его...» И его лицо было более грустным чем когда-либо.

Здоровье Фараона подрывали постоянные тревоги и печали. Его руки, ноги и тело стали настолько худыми, что было больно смотреть: сквозь тончайший лен одеяния были видны его кости. Лицо было таким изможденным, что его было бы не узнать, если бы не привычное умиротворенное выражение глаз. Скулы заострились до предела. По сторонам рта залегли глубокие морщины. Его внешность так сильно переменилась, что те, кто все еще был привязан к нему, начали бояться за его жизнь. Некоторые подозревали, что враги пытались убить фараона медленным ядом; другие полагали, что его жалкая худоба была результатом изнуряющей болезни.

Даже его поведение претерпело изменения – словно бы он уже не принадлежал этому миру. Кажется, он сосредоточил все свое внимание на чем-то внутри себя. Он говорил с трудом, даже когда это от него требовалось. Тем, кто спрашивал, почему он больше не сидит с ними и не объясняет им свое Учение, Эхнатон отвечал просто: «Мне больше нечего сказать». Иногда он добавлял, глядя пронзительно и с бесконечной печалью – словно бы его глаза проникали прямо в души его придворных и не видели там ничего, кроме праздного любопытства: «Почему Вы лжете мне и говорите, что хотите знать об Учении? Я дал Вам Истину, которую только смог выразить. Но Вы не хотели этого»

Проблемы в Сирии заканчивались. Больше не было территории, которую можно было потерять. Уйдя от правления, Эхнатон услышал, как последний гонец возвестил о падении его последней крепости. Впрочем, его печалил не развал Империи, а безразличие мира к его прекрасному Учению – крушение всех мечтаний его жизни.

Наконец перед ним предстал его вероломный вассал, аморит Азиру, землю которого Фараон когда-то присоединил к Египту. Теперь предатель владел всей Сирией. В ярких кричащих одеждах он отправился в плавание по Нилу и с толпой приспешников появился в Священном Городе. Похоже, он вознамерился поразить двор Фараона. Впрочем, на деле он сам был поражен – великолепием дворца Эхнатона... Но еще больше он был поражен той отрешенностью, с которой Фараон заговорил с ним о делах государства, так, будто они его теперь вообще не касались. «С таким огромным количеством золота, - подумал он про себя, - можно купить целый мир. А этот монарх не послал даже батальон наемников, чтобы защитить свою землю».

Эхнатон не держал на предателя зла и признал его власть в Сирии. «Правь ими, раз таково твое и их желание», – сказал Эхнатон, припомнив, с какой готовностью большинство князей Сирии откликнулись на призыв Азиру и пошли на союз с ним. Но, еще раз мысленно пережив смерть Рибадди, Эхнатон не мог не припомнить ему этого. Спокойно, держа свои чувства под контролем, он сказал Азиру: «Ты совершил преступление. За него я не хочу твоей смерти; мстят упиваются лишь слабые люди. Но помни, пока я жив, память о моем верном слуге, которого ты предал, чтобы его пытали и убили, будет оставаться болезненно яркой для меня, словно рана в моем сердце».

Впрочем, Азиру не мог понять страданий Фараона, а если и мог, то они были ему безразличны. Он был рад отправиться обратно в Сирию в качестве независимого правителя, и тут же выбросил из головы свой разговор с благороднейшим из фараонов.

Поскольку здоровье его ухудшалось с каждым днем, Эхнатон поспешно выдал свою старшую дочь, которой на тот момент было двенадцать, замуж за молодого человека благородных кровей по имени Сменхкара, и провозгласил его соправителем. В Древнем Египте именно старшая дочь Фараона наследовала царство, и тот, за кого она выходила замуж, правил от ее имени.

Сменхкара, желая показать свою зависимость от тестя и то, насколько он обязан Эхнатону, в официальных документах стал подписываться «Любимец Эхнатона».

Что касается фараона, то он покинул свой дворец в Городе и переехал в летнюю резиденцию в южных садах, и фактически оставался там заключенным. Он знал, что его конец близок. Он провел свои последние дни мирно. Царица Нефертити всегда находилась рядом с ним. Возможно, она была единственной, кто

любил его так же как раньше, и даже сильнее. Она никогда не подвергала сомнению божественное вдохновение его Учения, никогда не осуждала его действия. Она любила его и восхищалась им, и для неё всё, сказанное или сделанное её мужем, было прекрасно. Даже после трагических разочарований, через которые он прошел, он не могла подумать, что Истина, которую он подарил миру, будет потеряна навсегда. Она знала о стойкой ненависти жрецов, трусости большинства придворных, забывчивости народа, и могла предвидеть кое-что из ужасных событий, которые пронесутся по Египту после смерти Эхнатона. Однако, в своей любви, она воображала для него бесконечные столетия славы в памяти людей после небольшого затмения.

Эхнатон был слишком слаб, чтобы много разговаривать, но он смотрел на свою жену и был счастлив. Как и в первые годы брака, когда они еще были детьми, она приносила ему сорванные розы с клумб и свежие лотосы из водоемов, чтобы он мог наслаждаться их запахом. Она наливала ему кубок отменного старого вина, чтобы улучшить настроение. Она обкладывала его подушками, чтобы фараон мог сидеть на своем ложе и наблюдать с террасы, примыкающей к его покоям, окружающие сады, пустыню, красновато-желтую, как львиная грива, и холмы на востоке, за которыми занималась заря. В жару, когда он спал, она сама обмахивала его веером.

У Эхнатона почти не осталось сил, чтобы продолжать ежедневную службу в храме на озере, как он обычно делал. Алтарь Атону был установлен на одной из террас летнего дворца и там, до тех пор, пока он мог держаться на ногах, Эхнатон возлагал ладан и цветы и молился вместе с Нефертити и одним или двумя помощниками на восходе и закате солнца.

Но и этого он уже вскоре не мог делать постоянно. Наставало время, когда слабое здоровье вынуждало его оставаться в постели. В таких случаях царица отодвигала занавес, закрывающий вход в его комнату, что позволяло ему видеть открытое небо. Он молчал, но пристально посмотрел на жену своими темными глазами, и одарил её слабой улыбкой, которая означала: «Как хорошо Вы знаете всё, чего желает моё сердце!».

Он часами смотрел на небо, как будто забывая обо всем, что было вокруг. Солнце медленно поднималось все выше и выше, а затем зашло за горизонт, следуя своему вечному курсу. Время от времени птицы с серебристыми крыльями проплывали по безграничной синей бездне. С ложа, на котором лежал фараон, он не видел ни садов, ни пустыни, ни Нила, ни холмов в отдалении. Его глаза могли объять только глубокое синее небо, которое Солнце наполняло Его славой. Фараону казалось, что его душа тает в ослепительной пропасти, став единой с бесконечным пространством небытия и света, которые он только и мог видеть. Много лет назад, когда он был еще ребенком, он чувствовал такой же трепет при виде неба. Может быть, в жизни человека больше ничего нельзя ощутить. Ослепительная пропасть была видимым отражением той невидимой и безымянной реальности, о существовании которой он знал и которую тщетно стремится выразить всю свою жизнь.

Должна ли эта Реальность остаться навсегда невыраженной? Будет ли таинственное единство тепла и света забыто, когда он уйдет? Будет ли забыт закон любви и разума, который он прочитал в небесах? – спрашивал он себя иногда, после долгих раздумий. Казалось, что чем четче становилось ощущение высшей истины, тем больше он понимал невозможность ее выражения.

Однажды перед рассветом, когда силы фараона стремительно покидали его, он позвал свою царицу.

«Я здесь, - сказала она нежно, - Нуждаетесь ли Вы в чем-нибудь? Почему Вы не спите? Всё еще ночь». Через открытую дверь можно было видеть темное звездное небо, рассеченное надвое Млечным путем.

Эхнатон улыбнулся своей жене. Он протянул ей свою руку – настолько худую, что она больше походила на руку скелета – и взял её руки в свои. Он знал, что час его смерти близок.

«Сегодня я буду приветствовать его восход в последний раз», - спокойно промолвил он. «Я хочу молиться ему, стоя на ногах. Всё еще ночь, но скоро настанет рассвет. Я должен быть готовым». И прежде, чем она смогла справиться со своими чувствами и ответить ему, он добавил, говоря без тени печали и слабости: «Моё время настало. Меня скоро забудут. Но это не имеет значения. Солнце продолжит светить, столь же прекрасное, как и раньше. Через него мне мельком удалось взглянуть на Единственного».

Глаза Нефертити были полны слез. «Вы не должны думать, что Вас забудут», - нежно сказала она и любящим жестом помогла Эхнатону сесть. «Как кто-либо может забыть Вас?»

«Но они забудут», - ответил фараон беспристрастно. «И какое значение это имеет? Истина не зависит от людей».

Царица посмотрела на него, а затем перевела взгляд на звездное небо. Его лицо и тело были настолько пугающе худы, что она невольно вздрогнула. Но на бледных губах играла счастливая улыбка, а глаза, узревшие Бога, были так же спокойны, как и глубокое светящееся небо.

«Может быть, Вы правы», - глубокомысленно промолвила она наконец. «Они проклянут Вас и вынудят мир забыть Ваше имя. Но никогда, никогда они не разрушат свет, принесенный Вами с небес. Веками мир может жить в неведении, и борьба может распространиться от моря до моря, становясь все страшнее с течением времени. Но настанет день, когда Истина, которую Вы провозгласили, станет снова известной, и люди из неведомых стран будут смотреть на Вас, как на кого-то более великого, чем просто человека».

Она говорила так, как если бы внезапное вдохновение овладело ею. «Вы потеряли Империю ради спасения Истины. И однажды Истина одержит победу. Я говорю Вам, так же уверенная в этом, как и в восходе Солнце: Ваше Учение никогда не погибнет, оно вечно. Даже если они забудут, то однажды обязательно вновь узнают о Вас».

Небо на востоке бледнело. «Пора», - сказал фараон, и, усилием воли собрав оставшиеся силы, поднялся, искупался и переоделся. Затем он принялся украшать алтарь цветами, ожидая Владыку Лучей.

Солнце поднялось во всем своем величии за белыми скалами пустыни, голыми холмами, где Фараон вскоре упокоится. Теплые лучи, падающие прямо на лицо Эхнатона, наполнили его новой жизнью. Он бросил ладан в огонь на алтаре и, следуя за душистыми завитками дыма, поднимающегося к небу, протянул руки и пропел гимн:

*Великолепен Твой восход на Востоке,
Живущий Атон, Бог и начало всей Жизни...*

Он воспел красоту Солнца, радость жизни каждого человека, зверя и птицы, чудо рождения. В течение нескольких месяцев он не показывал такого молодого энтузиазма. Затем, в один миг, он вспомнил агонию, которую пережил; умирание своего тела; равнодушие людей к его посланию. А как же все это? Он познал своего Бога, и этого ему было достаточно. И, в конце концов, один человек полностью доверился ему и постиг его знание, благодаря любви.

С радостью, как будто он уже узрел невидимую душу Солнца за воротами вечности, он произнес, воздевая руки к востоку в последний раз:

*Ты, о Бог, в моем сердце,
И никто не знает Тебя кроме меня, сына твоего,
Которому ты открыл свою Силу.*

*. . . .
Когда ты поднялся от основания земли,
Ты явил свою волю Сыну твоему, вышедшему из твоей же плоти
И твоей любимой дочери, Нефертити, Живой и молодой во веки веков...*

И, лишившись сил, Эхнатон опустился на ступени алтаря. Царица побежала к нему. Подняв глаза, он увидел её еще раз, уже смутно, как через пелену. Он уронил голову ей на колени и тихо умер. В последний раз Солнце осветило его. Нефертити нежно закрыла мужу глаза. Эхнатону было всего лишь двадцать девять лет.

Забальзамированное тело Фараона было обернуто в двойные ленты из чистого золота и захоронено в гробнице, подготовленной в холмах пустыни. У подножия гроба, инкрустированного драгоценными камнями, была написана молитва, которую он сочинил себе в поклонение Богу, ради которого потерял всё:

Я глубоко вдыхаю сладкий дух, исходящий из уст Твоих. Я вижу Твою красоту каждый день. По собственному желанию я могу слышать Твой сладкий голос, даже в северных ветрах, а мои члены могут быть обновлены жизнью через любовь к Тебе. Дай мне свои руки, наполни их своим духом, чтобы я мог взять его и жить им. Прокричи мое имя в вечность, и оно никогда не потеряет своей силы.

На крышке гроба имя и титулы Царя сияли в ярком иероглифическом письме:

Прекрасный Правитель, единственно избранный Солнцем, Царь Верхнего и Нижнего Египта, Живущий в Истине, Владыка двух Земель, Эхнатон, красивый ребенок живущего Атона, чье имя будет жить вечно.

Глава VI

Солнце За Горизонтом

Религия единого безличного Бога была вытеснена из Египта. Вся страна вернулась к своим легионам местных божеств. И священнослужители Амона стали влиятельными как никогда.

После эфемерного господства Сменхкара, жрецы выбрали в качестве правителя-марионетки молодого дворянина без какой-либо индивидуальности и собственной воли, и женили его на третьей дочери Эхнатона, дабы узаконить его притязания на престол. Они вынудили его поменять имя с Тутанхатон – «живой образ Атона» - на Тутанхамон – «живой образ Амона» - и перенести столицу из города, посвященного ненавистному им Богу, обратно в Фивы, город Амона.

Они вновь установили культ Амона во всем его бывшем блеске. Торжественные жертвоприношения в честь национального бога проводились по всей стране, и умные слуги Амона совершали множество чудес, чтобы произвести впечатление на необразованный народ.

Тело царя Эхнатона было изъято из вскрытой могилы, желание покоится в которой, он неоднократно высказывал, и помещено в гробницу его матери в Долине Царей рядом с Фивами. Но и там жрецы не позволили пребывать ему в мире и спокойствии. Они вновь вскрыли гробницу и перенесли мумию царицы Ти в другое место. Они считали, что её позорит то, что она лежит рядом со своим любимым сыном, которого они называли еретиком и преступником.

Великодушный фараон никогда не преследовал этих священнослужителей при жизни, но они со всей своей ненавистью преследовали его и после смерти, с особой жестокостью стремились замучить и его бессмертную душу. В Древнем Египте считалось, что безымянная душа, лишенная удобств похоронных подношений и молитв за мертвых, не найдет в вечности себе упокоения. Они стерли имя Эхнатона со всего, что нашли, даже с лент из золотой фольги, в которые была завернута мумия его матери, потому что считали, что так они обрекут его на вечное скитание в муках и голоде.

Город мира, построенный Эхнатоном, был систематически разрушен. Каждый из его памятников был разобран камень за камнем, а фрагменты затем использовались при строительстве других зданий в Фивах и по стране. Животные, которых царь обожал, были оставлены медленно умирать от голода в своих загонах и питомниках, посреди пустыни, где их кости и были найдены современными землекопами. Прекрасные сады были брошены увядать. В скором времени накатывающиеся волны дрейфующих песков полностью покрыли все пространство святого Города. Больше ничего нельзя было увидеть, и люди стали забывать само место, где когда-то стоял Город.

Все следы работы Эхнатона были уничтожены. До нас дошел гимн, составленный священниками Амона во взрыве свирепой радости, гимн своему богу, гимн ненависти:

Ты найдешь того, кто преступает против тебя;
Горе тому, кто нападет на тебя!
Твой город выстоит,

Но тот, кто атакует тебя, падет. . .

. . .

Солнце того, кто знает тебя, не закатится, о Амон

Но для того, кто знает тебя, оно светит.

Обитель того, кто нападет на тебя - темнота,

А остальным на земле -- свет. . .

Тот, кто у кого ты в сердце, о Амон,

Да будет солнце.

Всюду по Египту и оставшимся от Империи землям объявили проклятие, сама память о Фараоне проклиналась. Были введены штрафы для любого, кто произнесет его имя. В официальных документах, всякий раз, когда упоминания об Эхнатоне избежать было нельзя, он назывался отступником, еретиком или преступником. Хоремхеб, фараон наследовавший от Тутанхамона, датировал свое правление от окончания правления Аменхотепа Третьего, Отца Эхнатона, чтобы в истории не осталось ни единого следа фараона-рационалиста и даже его зятьев.

И мир полностью его забыл.

Одна лишь Нефертити продолжала лелеять память о нем, как будто он до сих пор был жив. «Он живет, - любила говорить она, - «он никогда не умрет».

Нефертити жила строгой жизнью, вдалеке от дел, ожидая встречи со своим супругом после смерти.

Она старела, наблюдая, как один фараон сменяет другого. Она слышала, как люди говорят о новых военных экспедициях против Сирии и о восстановлении Империи, которой её муж пожертвовал ради своих высоких принципов. Но победы Египта не производили на неё особого впечатления. Она с горечью вспоминала, как жрецы – подлинные правители страны – преследовали того, кого она любила, и в жизни и после смерти. И еще большую боль ей причиняли мысли о тех придворных, кто когда-то называли себя учениками Эхнатона, но поспешили отказаться и от него и от его учения, как только враги пришли к власти. «Египет преследует лучшего из царей, - говорила она в своем горе, - Империя никогда вновь не станет великой, пока не раскается в своем преступлении и не почтит его».

Люди молчали, потому что никто не верил, что такой день может наступить. Но Нефертити была в этом уверена. «Веками, а может и в течение тысячелетий, он будет лежать в забвении, но однажды, взамен потерянной Империи он получит господство над душами. Когда где-нибудь в мире, даже если жизнь всего лишь одного человека будет изменена благодаря любви к памяти о нем, настанет рассвет его славы, и начнется новая эра»

И действительно получилось так, что Египет так не сумел восстановить свое былое величие. Какое-то время велась борьба за восстановление империи, но вскоре новые нации укрепили свою военную мощь, и Египет был превзойден. Священники Амона, из создателей царей сами ставшие царями, ничего не могли поделать с постепенным упадком. И, спустя четыреста лет после правления Эхнатона, ассирийцы как вихрь пронеслись через всю страну и оставили Фивы кучей дымящихся руин. Затем были эфиопы. Затем персы, греки, римляне, арабы, турки и, наконец, французы и англичане. Никогда более наследник этой земли не надевал Двойную Корону Верхнего и Нижнего Египта.

Однажды, когда владельцами египетских земель были греки, их царь попросил священнослужителя Манетона⁷, написать список имен Фараонов древности и их дел. Книга Манетона, написанная на греческом, долгое время была для мира единственным источником информации о древних царях Нильской Долины. Однако Эхнатона в том списке не было; память о нем была уничтожена так, что никто уже во времена Манетона о нем не знал.

Истины, подобные тем, которым он учил – единственность и универсальность Бога, неизменный закон природы, закон любви – позже проповедовались другими великими душами. Они легли в основу всех мировых религий и всемирно известных философских систем. Но никто не знал, что Эхнатон проповедал их многие столетия назад.

Тело первого в мире рационалиста всё ещё покоилось в Долине Царей в пустыне около Фив. После того, как священники оставили его гробницу, вычеркнув имя Эхнатона с гроба и золотых лент матери, они не потрудились запечатать её должным образом; влага, проникая через открытую щель, вызвала разложение плоти. Тело фараона становилось скелетом. Годы шли, и мир множество раз изменял своё лицо.

Наступил день, когда на землях, едва ли известных во времена Эхнатона, люди науки открыли и продемонстрировали фундаментальный закон существования, который они назвали принципом сохранения энергии. «Тепло и свет, - как сказали они, - являются только двумя различными проявлениями одного неизвестного агента, Энергии, которая является основой всего. Движение, звук, электромагнитные волны – всё есть проявление одного и того же. И вселенная является божественной гармонией, в которой различный ритм – различная длина волны – соответствует определенному состоянию существования». Но никто не знал, что еще тридцать три столетия назад одухотворенный юноша в свои подростковые годы был одарен интуитивным знанием этой же самой истины. И что он сделал её основой своего Учения, которое стало первой научной мировой религией, принятой человечеством.

Немногим более пятидесяти лет назад археологи обнаружили Город, построенный Эхнатонам. Тогда впервые, благодаря фрагментам его гимнов, найденных в гробницах дворян на холмах около Города, несколько человек начали осознавать его величие. Сэр Флиндерс Петри, известный английский египтолог, отдал ему дань уважения. Он пишет: «Если бы это стало новой религией, изобретенной, чтобы удовлетворить наши современные научные концепции, мы не смогли сейчас найти изъяна во взглядах Эхнатона на энергию Солнечной Системы... Он, несомненно, зашел далеко в своих взглядах и символике определенных положений, которые мы не могли логически доказать до настоящего времени. В этом новом культе нет ни следа суеверия, ни единой ошибки с точки зрения науки».

В 1907 году два археолога, Вейгалл и Айртон, обнаружили останки молодого фараона в усыпальнице, куда они были помещены после возвращения царского двора в Фивы. Ныне они находятся в Каирском Музее.

Есть немного эпизодов в истории столь же прекрасных, как короткая жизнь Эхнатона. Все же мир в большинстве своем не знает о нем. Недавно вокруг имени его ничтожного приемника и зятя – Тутанхамона – было сделано много шума, и всё из-за нескольких фрагментов позолоченной мебели, найденной в его гробнице. А правитель, пожертвовавший самой крупной империей своего времени

⁷ Лат. Manetho.

ради идеала мира, против которого страны сражаются до сих пор, оказался обделен общественным вниманием. По печальной иронии судьбы, фараон, бывший великим мыслителем, великим художником и безупречной душой, не пользуется людской популярностью.

Мы становимся утомленными от науки без Бога, так же как и от фиктивных религий без научного основания. Гармоничный синтез, к которому мы стремимся, синтез научных знаний и религиозного вдохновения, был задуман тридцать три столетия назад человеком вечного видения, для которого знание и любовь, Истина и красота были едины. Эхнатон - первый человек нового времени, чье Учение опережает даже нашу современную эпоху.

Пусть будущие поколения учатся любить память о нем, и знать, что он

*... прекрасный Ребенок живущего Солнца, чье
имя должно жить вечно.*
